

Михаил Николаевич Задорнов

Придуманно в СССР

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17896009
Придуманно в СССР. – : Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06471-4

Аннотация

Перед вами новая книга Михаила Задорнова. Книга-воспоминание. О том, как мы жили в Советском Союзе... То есть о том, как наши родители жили в Советском Союзе. Или нет – о том, как ваши дедушки и бабушки жили в Советском Союзе. Кто-то вспоминает это время с благоговением, кто-то с ужасом. Михаил Задорнов – с улыбкой. А кто-то, стоя у доски, с напряжением думает, какая же настоящая фамилия Владимира Ильича Ленина... В первую очередь для них, для очень молодых, для тех, у кого ещё так мало воспоминаний, – эта книга.

Книга о том, как непросто, но весело, смешно, интересно и задорно жили в Советском Союзе. И ещё. Вчитайтесь! Может быть, какие-то ситуации вам покажутся очень знакомыми, а проблемы – абсолютно современными. Казалось бы, уже другое государство, другой народ, а проблемы – всё те же?

Содержание

Глава первая	5
Счастливый человек	6
Страна героев	9
Работать хочется!	11
Нас это не касается	14
Дорогой звонок	15
Кого уволить?	16
Ставим галочку	18
Характеристика	19
Лапа	20
Серьёзное дело	23
Во имя канвы	25
Домик в тайге	27
Петля	29
Слава	30
Самоучитель для желающих написать современную пьесу	33
Картина века	35
Свои люди	37
Правило механики	38
Обманули!	40
Опасная профессия	43
Несладкая жизнь	44
А вы попробуйте быть вежливым	45
Не сезон!	48
Монолог воспитательницы в детском саду	50
Не плачь, Федя!	51
Благодарность	55
Тайный смысл	57
Народ умельцев	60
Глава вторая	62
Предложение	63
Семейный совет	66
Основы драматургии	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Михаил Николаевич Задорнов

Придуманно в СССР

© Задорнов М. Н., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава первая Здравствуй, страна героев!

Большую часть времени мы проводили на работе. Даже когда и делать-то там было особенно нечего...

Многие рассказы этой главы посвящены творческим профессиям. Это и понятно: публиковаться Михаил Задорнов начал в 1974 году, а в 1984–1985 годах заведовал отделом сатиры и юмора в журнале «Юность». Хотя вполне оправдана и правдоподобность рассказов, написанных от имени простого инженера: образование Михаил Задорнов получил в Московском авиационном институте и первые четыре года после окончания работал там же.

И тем не менее возмущение администратора универмага, сантехника, монологи воспитательницы в детском саду, командированного, вернувшегося из ФРГ, испытателя товаров народного потребления очень точны, равно как и описания таксистов, врачей, вахтёров, чиновников, директоров гостиниц и многих других.

Счастливым человек

Я не понимаю, почему все вокруг жалуются, что они несчастные: судьба не так сложилась, не на той женился, не за того замуж вышла, не в ту за границу послали, дача дорого обошлась, видеомэгнофон не той марки, на книжке всего шестьдесят тысяч на чёрный день припасено, а чёрный день всё не наступает и не наступает...

С кем ни разговоришься – проблемы, проблемы, проблемы. И все несчастные, несчастные, несчастные... А ведь это так легко – научиться быть счастливым. Надо просто приучить себя во всём видеть в жизни хорошее и радостное.

Вот, например, я...

Каждое утро, когда в час пик тороплюсь на работу, я думаю: как хорошо, что существует метро! Совсем в другой конец города оно доставляет меньше чем за полтора часа и всего с тремя пересадками.

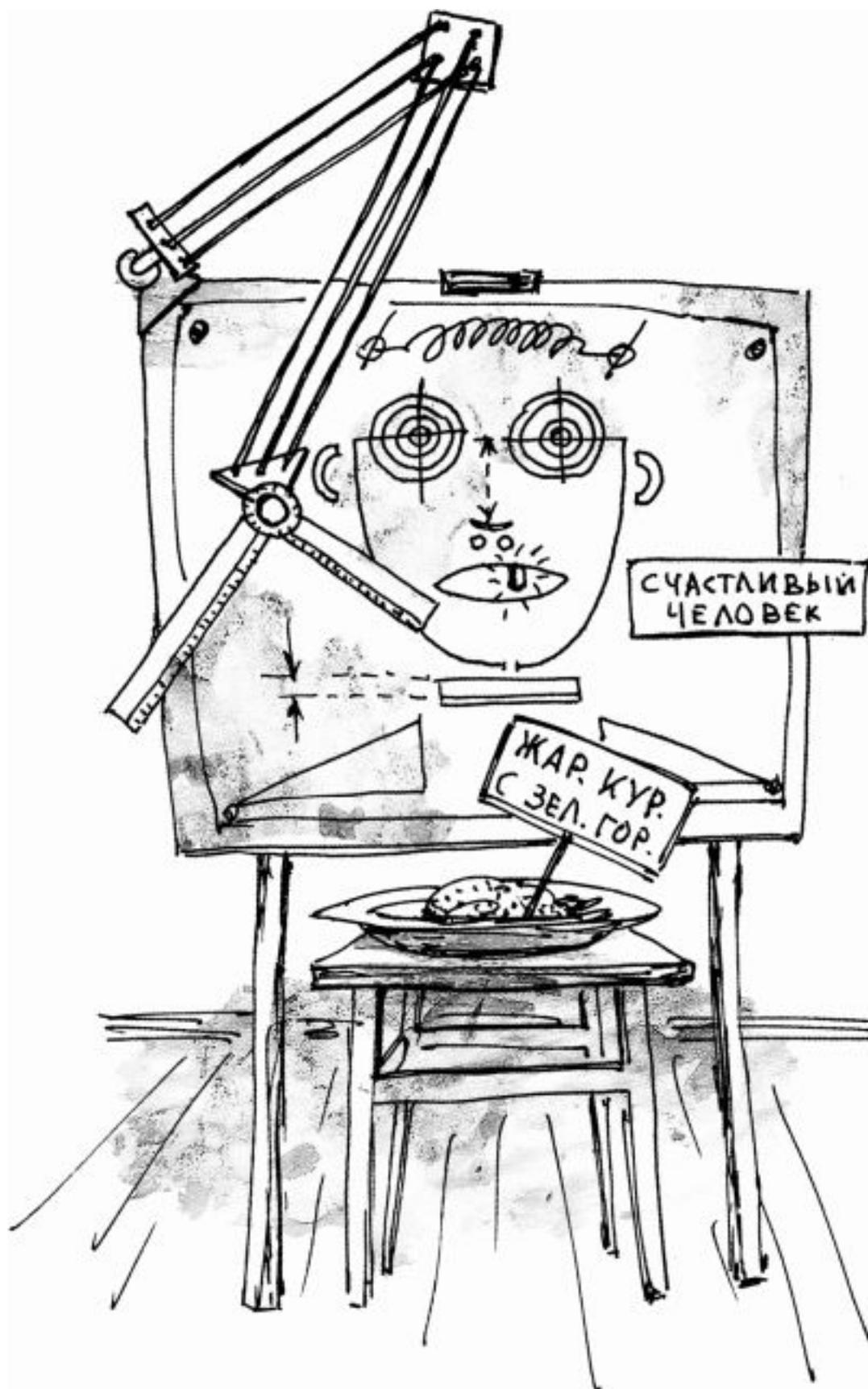
После метро, когда я пытаюсь войти в переполненный автобус, я радуюсь! Да-да, именно радуюсь тому, насколько возросла дисциплина у трудящихся. С тех пор как повсюду запретили опоздания, автобусы стали выходить полными прямо из автобусного парка! После того как мне даже с разбега не удаётся сесть в автобус, я с портфелем в руке, радостно задыхаясь, пробегаю три квартала и думаю: «Как замечательно, что наш институт выстроили у самой Кольцевой дороги, где загазованность воздуха не намного больше, чем полагается по норме, определённой медиками при изучении гибели кроликов, дышавших пылью нашего института...»

А когда я сижу за своей чертёжной доской в комнате, в которой мы проветриваем по условиям техники безопасности через каждые пятнадцать минут, я из последних сил восхищаюсь тем, что даже женщины в нашем дружном коллективе говорят друг другу только комплименты:

– Как вы хорошо выглядите после отпуска! Поправились! Как вам это всегда удаётся?!

– Ну что вы... Вот вам это зелёное платье действительно идёт! Зелёный цвет вообще очень гармонирует с цветом вашего лица!

– Нет, нет... Не говорите! По сравнению с вашим платьем всё меркнет. Я уже седьмой год каждый день люблюсь им!

Но особенно радостно от того, что мы все невыносимо любим нашу работу. Часами можем сидеть и смотреть, как она копится, копится, копится... А если кто-то и засыпает

после обеда, так строго за своим рабочим столом с карандашом в руке и мыслью в широко открытых глазах. И не дольше, чем до конца рабочего дня. Ещё не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь проспал конец рабочего дня!

А главное, в нашем отделе всегда весело, слышатся шутки, смех... Особенно все веселятся, когда получают зарплату! Больше, чем зарплата, вызывает смех только та продукция, которую мы выпускаем.

Даже когда я ем в нашем институтском буфете, куда пускают только с высшим образованием и по секретному пропуску, я искренне благодарен судьбе, если успеваю взять своё любимое блюдо, которое ежедневно значится в меню под секретным названием «Жар. кур. с зел. гор. и слож. гар. из кар. пюр.».

А вечером... Вечером, когда я подхожу к двери любимой девушки и нажимаю два раза на звонок, чтобы не попасть к её соседям, я говорю себе: «Я высокий! Стройный! Красивый! И у меня нет золотого зуба!» И его у меня действительно нет. Он у меня стальной.

А когда она мне открывает, я счастливо люблю её небольшим ростом, неброской красотой и говорю себе: «Я и тебя научу быть счастливой!»

И мы вместе с ней идём в кино, где сидим рядом и держимся за руки, и оба думаем: «Какой замечательный фильм об Англии создали на Свердловской киностудии! Как похожи наши преуспевающие актёры на их вымирающих лордов. А новостройки развивающегося Таллина – на кварталы гнивающего Лондона».

Наконец я возвращаюсь домой, где восхищаюсь своей уютной комнатой, в которой на целый метр больше, чем полагается по норме на человека!

Перед сном, глядя до двух ночи на бегущие по потолку блики от шумных автомашин, с радостью думаю о том, что скоро мы поженимся. У нас будут дети! Много-много детей. И нам всем вместе в этой комнате будет ещё радостнее, чем мне одному!

И я счастливо засыпаю, понимая, что завтра повторится такой же счастливый день, как сегодня. И послезавтра... И после, и после... И всегда будет так же хорошо, потому что я счастливый человек!!!

Страна героев

Вы замечали, что швейцары в гостиницах безошибочно требуют визитные карточки только у наших? Даже если они одеты во всё не наше. Видимо, в глазах у наших есть что-то сугубо наше. Скорее всего, в них отражается состояние души человека, которого на каждом шагу ожидает «Запрещено», «Не положено!», «Переучёт», «Инвентаризация», «Извините, у нас санитарный час с девяти утра до одиннадцати вечера». Более того, только нашего человека в любой момент могут остановить, потребовать паспорт, прописку, сличить пол... Только у нас людей в аэропорту могут загонять в накопитель. Хорошо ещё не в отстойник.

Во всех странах газоны выращивают для людей. Устал – походи, полежи, отдохни, подыши. У нас вырастили газон – обязательно на нём написали: «По газонам не ходить». Что-то построили, тут же повесили объявление: «Не влезай – убьёт». Куда ни пойдёшь – всюду убьёт. И глядя на вахтёршу при входе, веришь – эта действительно убьёт.

Ни в одной стране мира нет такого количества вахтёров и бюро пропусков. Зачем, например, держать бюро пропусков при гостиницах? Жулик всё равно даёт три рубля и проходит. А честный человек идёт в бюро пропусков. Значит, бюро пропусков – это перепись честного населения? Но каждый работник в этом бюро пропусков, каждый вахтёр на входе уверен, что он выполняет государственный долг. Наводит в стране порядок. При этом в самых престижных гостиницах живут исключительно шулеры, рыночные торговцы, проститутки и безответственные работники. Ну, ещё творческая интеллигенция.

А попробует честный человек пригласить к себе в гостиницу девушку в гости, так ему любой вахтёр на входе очень строго накажет: «Имейте в виду, у нас с девушкой можно только до одиннадцати!» Интересно, кому пришла на ум мысль, что с девушкой можно только до одиннадцати? Это что, борьба за нравственность? До одиннадцати – нравственно, а две минуты двенадцатого безнравственно?

Н. В. Гоголь писал: «В России есть две беды: дороги и дураки». Вот такое завидное постоянство мы сохраняем по сей день. Вы замечали, что каждый вахтёр, сторожащий у нас бассейн, чувствует себя пограничником?

Вахтёр – это не должность. Это состояние души человека. Ему дали клочок власти, и он может кого-то куда-то пустить. Он счастлив от этого. Надо давать звания: заслуженный вахтёр Советского Союза! Народный вахтёр Советского Союза!

Вахтёрами могут быть и инструкторы горкомов, и генералы, и официанты, и домоуправы, и редакторы, и работники «Аэрофлота», и цензоры...

– Что вы написали?! «У нас в стране ещё много дураков!» Как вы смеете? Это нельзя! Вы разглашаете государственную тайну.

Инструкции – это порождение вахтёров.

Запреты – это их самовыражение.

«На садовых участках копать не глубже, строить не шире...»

«Сливной бачок, поставленный под другим углом, – несоциалистический сливной бачок».

«Работу предоставляем только по предъявлении справки о прописке, прописку предоставляем только по предъявлении справки о работе».

«Срочный разговор с Дальним Востоком заказывается за трое суток».

«Такси ждёт не более пятнадцати минут».

«За вещи, сданные в гардероб, гардероб ответственности не несёт».

«На курсы английского принимаем только тех, кто прошёл флюорографию».

«Один бутерброд – в одни руки».

«Премия не более...»

«Полставки по ходатайству...»

«За границу по анализам...»

«Спальный гарнитур предоставляется по предъявлении медицинской справки».

«Запись на импортную плиту каждый второй вторник третьего месяца ежегодно в пятом квартале».

«Сапоги по талонам. Талоны у генерального. Генеральный выдаёт по рекомендации профкома, если сдал ГТО».

«Ветчина только членам Союза кинематографистов».

«Волейбольные мячи в наборе с волейбольной сеткой».

«Подписка на журнал „Огонёк“ предоставляется в первую очередь тем, кто подпишется на еженедельник „Кролики и тушканчики Нечерноземной полосы России“».

«За пятнадцать лет работы на одном месте увеличить оклад на одиннадцать рублей и наградить ценным подарком в виде трактора подарочного за восемь рублей из папье-маше в натуральную величину».

Есть такая притча. Идёт 1917 год. Двадцать пятое октября. Революция. В своей квартире сидит внучка декабриста. Слышит на улице шум и говорит служанке:

– Маша, выгляни, пожалуйста, на улицу, что там за шум?

Служанка выглянула, возвращается и говорит:

– Барыня, революция!

– Да?! – обрадовалась барыня. – Как хорошо! Мой дед ещё мечтал о революции! А выгляни ещё раз, спроси, что хотят, что требуют?

Служанка снова выглянула.

– Барыня, – отвечает, – хотят, чтобы не было богатых!

– Да? – разочарованно говорит барыня. – А мой дед мечтал, чтобы не было бедных...

Более семидесяти лет наши народные вахтёры борются с тем, чтобы в нашей стране не было богатых и ещё, желательно, чтобы не было умных. Вот такой идеал человека мечтают создать.

В Сочи в пункте проката на пляже висит распоряжение: «Целые надувные матрацы выдавать только иностранным гражданам». А советским гражданам можно проколотые. Плыви, гражданин Советского Союза!

В Риге на берегу канала у самой воды стоит домик лебедей. На нём написано: «Посторонним вход воспрещён!» Кому взбрёт в голову ползти из воды в домик лебедей? Или это написано для посторонних лебедей?

Понять это всё невозможно. Ясно одно. Все эти запреты отражаются в затравленных зрачках нашего человека. И швейцар это прекрасно видит и в предвкушении следующего трёшника радостно насвистывает про себя любимую песню «Здравствуй, страна героев!». И он прав. Потому что выжить при таком количестве запретов может только герой!

Работать хочется!

Надо же, как у нас на работе хорошо! На улице дождь, осень, слякоть... А на работе тепло, сухо, уютно... Работать хочется! Вот только надо сначала чайку крепкого выпить. А то аж глаза слипаются, до чего на работе хорошо!

Розалия Львовна, и мне чайку, пожалуйста! Кстати, вчера по телевизору новости смотрели? Ещё одного работника торговли посадили. Имел дачу с бассейном, теннисными кортами, тремя павлинами и кенгуру, у которого в сумке прятал от государства наворованные деньги!

Алло? Да, это отдел. Что? Как наш отдел называется? Минуточку, сейчас спрошу. Алло?! Вы слушаете? Из специалистов никого нет. Только комсорг, культорг и профорг.

Розалия Львовна, налейте, пожалуйста, ещё чашечку. А то телефонный звонок меня совсем из рабочего состояния выбил...

Алло? Нет, Селезнёвой нет. Где-где! В универмаге за босоножками стоит. Когда вышла? Да уж недели две. Не знаю, когда вернётся. Попробуйте позвонить в начале зимы. Что-что? Уже зима?!

Ой, товарищи, смотрите – и правда! За разговорами не заметили, как зима наступила. Я люблю зиму! Когда на первый снег смотрю, жутко работать хочется. Пойду только сначала перекурю, а то чаю перепился – голова ничего не соображает...

Здорово, мужики! Всё курите? Читали вчера в газетах, какие безобразия творятся в связи с введением антиалкогольного закона? Количество разводов в стране увеличилось в два раза! Как почему? Половина мужей на своих жён впервые трезвыми глазами взглянули!

Ну ладно, я побежал. Руки чешутся, до чего работать хочется! Вот только в столовую загляну, а то голова на голодный желудок ничего не соображает.

Ух ты, очередь какая! Настя, ты, что ли? Какая ты молодец, что мне очередь заняла! Что? Ты не Настя? И меня не знаешь? Тем более молодец! Незнакомому человеку очередь заняла! Товарищи! Что вы шумите? Кто без очереди? Мне только чай взять. Я на диете. Здравствуй, Раечка. Раз ты сегодня на раздаче, дай мне сначала яйцо под майонезом, сыр, паштет, капусту, свёклу, горошек, рыбу, колбасу... Это на закуску. Теперь надо решить, что я буду есть. Товарищи, что вы опять шумите! Что? Я чай обещал взять? Рая, дай мне чай! Нет, без сахара. Вместо сахара дай борщ, зразы и скоблянку...

Всё, товарищи, ухожу, ухожу... А, Борис Юрьевич, здравствуйте! Идите скорее сюда – я вам очередь занял. Что? Вы не один? А с кем? С отделом? И сколько вас? Четырнадцать? Надо же, а я как раз на четырнадцать и занял. Идите, идите и не стесняйтесь. А то пока в такой очереди стоять будете, весна наступит... Что? Уже наступила? То-то, думаю, я так проголодался!

Игорёк, подвинься – тарелки поставить некуда. И скажи спасибо, что я сегодня на диете. Ничего есть нельзя. Кроме мясного, мучного, молочного, кислого, сладкого, солёного,

твёрдого и жидкого. Новая диета! «Русская» называется. Согласно этой диете есть надо один раз в день. Но – с утра и до вечера!

Ну всё! Поел – пора за работу! Вот только ещё раз пойду курну, а то голова на сытый желудок ничего не соображает...

Ну что, мужики, всё курите? А как наш шеф на прошлой неделе кабана убил, слышали? Ну что вы?! Выстрелил – не попал. Кабан – на него, шеф бежать. Кабан – за ним. Шеф с испугу на дерево полез, а он ведь, сами помните, центнер с гаком весит. Сук под ним обломился, он упал прямо на кабана и убил его. Сразу наповал. Тот даже хрюкнуть не успел.

А теперь, извините, мне пора за работу. Вот только на воздух на секунду выйду, а то перекурился чего-то: голова ничего не соображает.

Боже мой! До чего на улице хорошо! Листья распустились! Лето. Селезнёва, ты, что ли? Вернулась? Ну и как, достала босоножки? А чего такая грустная? Только тридцать восьмой размер достался? А тебе надо? Тридцать третий? Ну, не серчай, зимой на шерстяной носок как раз будут! Пошли скорее в отдел. А то отпуск прозеваем...

Ну что, Розалия Львовна, всё чай пьёте? Объяснительную вас не заставили писать? Меня так просто замучили ими. Я наконец не выдержал и в конце одной объяснительной приписал: «Целую». А шеф, как всегда, не прочитал и сверху резолюцию наложил: «Одобрю»...

Ну всё – пора в отпуск. Вот работёнка: целыми днями крутишься, вертишься. А оглянешься назад – и непонятно, что ты за год сделал? Одно понятно: очень быстро на такой работе жизнь пролетает...

Нас это не касается

Товарищи! Слушайте меня внимательно.

Субботник мы будем проводить с вами во вторник, потому что в субботу мы работаем по среде, которая была присоединена к прошлым праздникам. Считалось, что это было сделано по просьбам трудящихся. Поэтому сама среда считалась воскресеньем. Поскольку в воскресенье мы работали за 8 Марта прошлого года, когда все праздники были совмещены, считались Новым годом и праздновались по 23 февраля включительно. Кроме одной субботы, когда мы работали, – естественно, по просьбе тех же трудящихся. Помните, тогда ещё один наш товарищ отравился в нашей столовой, которая первой в стране перешла на безотходное производство?

Но нас это не касается. На субботнике мы будем с вами разгребать снег, который пойдёт по накладным и будет считаться как опавшая листва. Поскольку эти накладные остались у нас от неотработанного субботника шестьдесят второго года. Помните, когда его вдруг заменили на встречу высокого гостя из Индии, который ещё оказался потом высоким гостем из Канады. Но ничего страшного не произошло. Мы всё равно встречали его с флагами ГДР, которые у нас остались от встречи высокого гостя из Японии. Но тоже всё обошлось. Мы стояли не на той улице, по которой он ехал. И не в тот день, когда надо было.

Но нас это тоже не касается. На субботнике завтра по спискам нас будет тысяча двести человек. Но! Минус – начальство, общественные активисты, самодеятельность, доноры, женщины, считающие себя беременными. Словом, в субботнике будут принимать участие семь человек. Как и в прошлом субботнике. Помните, после которого мы праздновали с вами антиалкогольную свадьбу? Она ещё считалась антиалкогольной, потому что на столе не стояло ни одной бутылки водки, а все перепились пивом, которое считается безалкогольным напитком. Поэтому все запивали им самогон, который был налит в супницы, разливался по тарелкам половником и назывался куриным бульоном. Этот бульон ещё, помните, не пил только один человек. Он пил настоящий куриный бульон. Поэтому, дурачок, единственный, кто отравился...

Но нас это тем более не касается. Приказ о проведении субботника пришёл к нам сверху, но мы, поскольку у нас теперь демократия, будем считать, что проводим его по нашей инициативе снизу. Как принято считать в случае очередного подорожания продуктов – по просьбам трудящихся!

Кто «за»? Никого? Но нас это тем более не касается. Будем считать – единогласно!!!

Дорогой звонок

От метро я решил позвонить начальнику и предупредить, что проспал и поэтому опоздаю. Правда, у меня не было двушки. Но рядом был табачный киоск.

– Вас много, а я одна! – ответила большая продавщица в маленьком окошке.

Однако позвонить надо было. Поэтому, зайдя за угол, я снял пиджак, чтобы она не догадалась, что это снова я, во второй раз подошёл к киоску, протянул ей три копейки и попросил спички. Теперь она просто обязана была дать мне сдачи две копейки. Но на блюдечке в окошке вместо трёх копеек появились три коробка спичек. Спорить с ней из-за двух коробков было неудобно. Поэтому я снова зашёл за угол, причёсался на другую сторону, опять подошёл к киоску и, чтобы она меня не узнала по голосу, с мягким прибалтийским акцентом попросил ремешок для часов за два рубля девяносто восемь копеек. На этот раз расчёт мой был точным! Дать два ремешка она мне не могла, потому что я предусмотрительно протянул ей только три рубля. Но на блюдечке в окошке появился ремешок и два коробка спичек...

– Мне не нужны спички! – сказал я, от возмущения потеряв отрепетированный за углом акцент.

– А у меня больше ничего нет! – отрезала она. – Если не хотите спички, могу дать зубочистки!

Я посмотрел на часы. Время поджимало. Ладно, если у неё нет двух копеек, позвоню десятью! Быстренько отрепетировав за углом походку знакомого радикулитчика, я снова подошёл к киоску и с восточным – для внушительности – акцентом потребовал деревянный щелкунчик для орехов в виде Мефистофеля за семь рублей девяносто копеек!

Полученные десять копеек оказались гнутыми. И застряли в прорези автомата. Покупать второй щелкунчик не имело смысла, впрочем, как и первый. Поэтому, сгорбившись и хромая, я подковылял к киоску и, заикаясь, чтобы она не узнала меня по голосу, попросил большую настольную папиросницу за двадцать три рубля девяносто копеек, которая при нажатии на кнопку «пуск» сама выкидывала сигарету в рот курящему. На этот раз сдачу я получил двумя пятаками.

Следующей моей покупкой была кошёлка. Не из-за сдачи, а из-за того, что мне надо было куда-то сложить купленные мной вещи.

Потом я ещё несколько раз подходил к киоску. Однако сдачу мне давали то пятаками, то юбилейными монетами, то, наконец, леденцами, которые я терпеть не мог с детства. Оставался последний шанс. Женское янтарное кольцо за шестьдесят рублей восемьдесят восемь копеек! Как ни крути, а две или десять копеек я должен был получить! Только фантазия на акценты и походки у меня уже исчерпалась. Правда, я ещё ни разу не подходил к киоску женщиной. Когда за углом я примерял оренбургский платок и пытался сдвинуть на лоб чёлку, ко мне подошёл милиционер.

– Гражданин! – сказал он. – Я уже давно за вами наблюдаю, и ваше поведение меня настораживает. Пройдёмте со мной в отделение!

Таким образом я очутился в вашем отделении. На этом заканчиваю свои объяснения и очень прошу вас разрешить мне позвонить с вашего телефона моему начальнику, сказать ему, что я проспал и поэтому опоздаю. Причём прошу разрешить мне сделать это срочно, потому что начальник вот-вот должен уйти из своего кабинета. Ведь рабочий день уже кончился!

Кого уволить?

Монолог начальника отдела в момент сокращения штатов

Мне в отделе кадров говорят: «Ваш отдел перенасыщен людьми, надо хотя бы одного человека сократить». А кого мне сокращать? Кулакова? Нет, извольте. Давайте разберёмся! В других отделах кто прыгает, кросс бежит, гранату кидает, плавает на приз газеты «Идём ко дну!»? Три-четыре участника группы «Здоровье» да шесть-семь женщин, которых из-за габаритов и склочного характера на финиш без очереди пропускают. А у нас? Вы этого Кулакова когда-нибудь видели? Зайдите как-нибудь, взгляните! Пиджак 68-го размера, голова 74-го. От туфель следы на снегу, как от чемодана, остаются. Нормы ГТО любому за десятку сдаёт. У нас благодаря ему весь отдел с золотыми значками «Готов к труду и обороне» ходит. Зачем мне его увольнять?

Филиппова уволить тоже глупо. Он стенгазеты к любому празднику по 27 метров длинной выпускает. Шутка ли? Первомайскую газету досрочно вывесил, к 1 апреля!

За Горяева мы в прошлом году в соревновании 65 очков получили. Он с новым начинанием выступил: «Регулярно приходить на работу! Несколько раз в день!»

Коноплянский ежегодно за весь отдел на донорских пунктах отдувается. Редчайшая кровь оказалась. Тамбовского разлива. Мы его так и зовём: донор-рецидивист!

В прошлом году хотел Кокурина уволить. А он взял и учудил. Стал победителем во всесоюзной рыбалке по подлёдному лову. Шутка ли? Изобрёл новый бур, с помощью которого в отведённое время набурил лунок в десять раз больше, чем остальные.

Симкина я ни за что уволить никому не позволю. Он экстрасенс. Зимой, когда отопление отключают, нам своё тепло передаёт...

Машенька в хоре поёт. Линькин макраме занимается. С утра до вечера вяжет. Любовь Евгеньевна – каратистка. Так что её уволить вообще ни у кого рука не поднимется. Я её теперь на подведение итогов по соцсоревнованию всегда посылаю. Она там очень удачно у начальства очки выбивает.

У Крымова отец – главный пожарник района. Уволишь, запретит чайник в отделе держать.

Руднева по звонку свыше приняли, значит, и уволить только по звонку свыше можно. Недаром его все так и зовут: «Наше позвоночное».

Полежаев к любому празднику за 25 минут 500 шариков надуть может. Незаменимый человек!

Хромов единственное в стране Общество озеленения Красного Креста возглавляет. Пока он в этом обществе один. Председатель!

А у Дронова дочка в один детский сад ходит с внучкой секретарши заместителя нашего министра. Четыре годика девочке, а уже для нашего отдела три новых ставки выбила. Не могу же я неблагодарным по отношению к ней быть и папу её уволить...

Словом, где ни копни, куда ни сунься, а всюду есть объективные причины, почему никого увольнять мне нельзя...

Даже Максим Максимыча и то не сократишь. Конечно, он с утра до вечера только и знает, что пишет, чертит, считает. Ничего больше, сачок, не делает. Но зато на нём одном весь план нашего отдела держится.

Так что увольнять мне некого. А если хорошенько разобраться, то и не обязательно. Что я, первый раз подобное указание сверху получаю? Да если б я всех директив начальства слушался и за эти 25 лет сокращал согласно их предписаниям, у меня бы сейчас в отделе работало минус 19 человек. А у меня их как было 12, так и теперь – 28.

И все незаменимы! И каждый на своём месте!!! И все вместе дружно завтрашний юбилей встречаем – двадцатипятилетие со дня начала на нашем предприятии сокращения штатов! Поэтому лучше я к этому юбилею, как всегда, начальству аргументированную записку подам, почему никого сокращать нельзя! А всем остальным к этому празднику почётные грамоты выпишу. Кроме себя, конечно. Самому себе неудобно почётную грамоту выписывать. Поэтому сам, как и всё начальство, обойдусь премией. И ценным подарком!!!

Ставим галочку

Итак, товарищи! Подведём итоги выполнения общественных работ, взятых нашим отделом на этот год.

Первое...

В подшефном колхозе всем отделом отработали? Отработали! Ставим галочку! Теперь считаем. Бензин на автобус, который отвёз нас за 120 км и привёз обратно, – 25 рублей. Картофеля убрали на 60 рублей, съели на 140 – минус 80 рублей. 80 и 25 – это уже 105 рублей. Их мы оплатили по нашей годовой смете из графы «Командировочные». Из этой же графы выплатили за семь сломанных лопат, 13 вил, пропавших без вести, один разбитый трактор и два самосвала с сеном, утонувшие в болоте. Это 5000 рублей. Плюс убыток от невыполнения плана за день ввиду простоя всего отдела – 1200 рублей.

Итого: субботник обошёлся нам в 6305 рублей!

Второе...

«День здоровья» всем отделом с выездом на природу и вывозом туда буфета, закупленного по безналичному расчёту по годовой смете из графы «Промывка осциллографов», провели? Провели! Ставим галочку! Он обошёлся нам в 6993 рубля.

Третье...

За участие в сводном концерте нашего предприятия у нас почётная грамота. Ставим жирную галочку! От нашего отдела в концерте участвовали: диксиленд из ресторана «Лебедь», который мы оплатили из графы «Оформление красных уголков средствами противопожарной безопасности». Это 450 рублей. Плюс наш фокусник с номером «Появление из холодильника живого попугая с криками „Я – пингвин!“». Попугая мы выменяли на Птичьем рынке на видеоманитофон, купленный на оставшиеся средства в конце прошлого года и списанный в начале этого за брак, так как выпущен он был в конце года на нашем предприятии. Словом, попугай нам достался почти даром!

Четвёртое...

Деньги на оформление красных уголков средствами пожарной безопасности взяли из графы «Оформление люстрами нового конференц-зала». Люстры сделали сами из меди, сэкономленной от крыши нового Дворца культуры. Крышу закрыли списанными чертёжными досками, а новые доски купили за наличные деньги на материальную помощь, выписанную семерым надёжным людям. Пятеро из надёжных людей оказались ненадёжными и отказались их возвращать. Пришлось им выписать ещё по одной, чтобы отдали эти.

Словом, все последние галочки обошлись нам всего в 1450 рублей!

Итого!

В этом году на выполнение общественных нагрузок нами было истрачено 17 143 рубля, что на 5637 рублей меньше, чем нами было истрачено на выполнение тех же общественных нагрузок в прошлом году. А значит, нами выполнен также последний пункт наших обязательств под названием «Экономия внештатных фондов нашего предприятия»! А значит, что? Ставим самую жирную галочку!

Характеристика

- Вы ко мне? – спросил начальник лаборатории.
- Видите ли... Я в другой отдел перехожу, – замаялся я, – мне характеристика нужна!
- В чём же дело? – удивился начальник. – Пишите, печатайте – я подпишу!
- То есть как? – не понял я. – Сам на себя?
- Эта характеристика кому нужна: мне или вам?
- Да, но...
- А если не знаете, как писать, то посмотрите у кого-нибудь. Образец, наконец, возьмите у секретарши...

От начальника я вышел возмущённый. Образец!!! Получается, что я такой же, как все?! Ну уж дудки! Когда благодаря моим стенгазетам отдел раз пять по производственным показателям вперёд вырывался, так никто не думал! Вот и напишу правду. «За годы работы инженером зарекомендовал себя талантливым художником!» Нет, неправильно. Вроде как все эти годы не своим делом занимался. Лучше просто – «талантливым человеком». Тоже нет. В новом отделе скажут: «Нам человек не нужен, а нужен инженер». Похитрее надо... «За годы работы инженером... ну, скажем, так... активно участвовал в общественной жизни лаборатории». Вот это здорово! И эффектно, и правда, в конце концов... Вон с Люсей три года дружил! И не просто дружил, а по-настоящему. Настоящий друг потому что! А потом два года ещё с Ольгой, год – с Валей, полгода – с Настей... Так и напишем! «Пользуется большим... этим, как его... не спросом, а... уважением», – вот! Нет, лучше – авторитетом! Где? В коллективе! И доверием! Недаром мне всегда первому доверяют за столом шампанским шлёпнуть. А как недавно по радио песню по моей заявке передавали! И не что-нибудь лёгонькое, а «Зачем вы, девочки, красивых любите?...» Морально устойчив потому что! Не говоря уж о том, что политически грамотен: даже во время перекура «Забота у нас такая...» насвистываю...

– Ну вот и отлично! – сказал начальник лаборатории, подписывая мою характеристику. – Сразу видно, что своя голова на плечах есть. Другое дело образец вместе с фамилией «Иванов» переписывают, а вы свою поставили! Молодец! Желаю, чтобы вы и на новой работе себя так же грамотно зарекомендовали!

Лапа

Сначала всё шло хорошо. На первом курсе я учился так плохо, что в деканате решили пойти на хитрость и сделали меня старостой. «Может, хоть это заставит его почувствовать ответственность за свою учёбу!» – сказал начальник курса. «Похоже, что у него где-то есть „лапа“!» – решили однокурсники. Слухи дошли до деканата. «Тем более мы поступили правильно!» – утвердилась в своём мнении администрация. Но она ошиблась.

С моим назначением старостой я стал учиться ещё хуже, а вся наша группа стала учиться ещё хуже меня. Тогда меня сняли с поста старосты, а чтобы не обидеть «лапу», выбрали профоргом.

При всём моем таланте заваливать любое дело, работу профорга я завалить не мог, потому что нельзя завалить то, чего не было...

Моё философское безделье в течение трёх лет на этом посту очень понравилось председателю профбюро нашего факультета. Как я узнал позже, он тогда обо мне сказал: «Хоть и дурак, а без инициативы!» И я стал его замом. Но и он ошибся. Очень скоро все поняли, что замом быть я не могу, так как не умею ничего делать. А могу только быть самим председателем. Снова выплыл слухок о «лапе», которую уже начинали уважать. Так что председателем я проработал недолго.

Через полгода декан сказал: «Я видеть его больше не могу на нашем факультете!» Но как человек неглупый понял, что у него только два способа избавиться от меня: подать самому в отставку или перекинуть меня куда-нибудь с повышением. Боясь за первое, он так настойчиво требовал второго, что все призадумались: «А „лапа“-то, видать, у него здоровая и волосатая!»

Чтобы пустить под гору работу всего месткома, пришлось пойти на крайние меры и сменить репутацию дурака без инициативы на репутацию дурака с инициативой. «Страшный человек!» – сказал ректор и лично взялся избавиться от меня институт. Он пробил мне место в горкоме профсоюзов. Теперь мне стали приписываться уже самые видные в стране знакомства. Поэтому, когда я на новом месте быстренько наломал дров, мне тут же дали отдел в ВЦСПС. Теперь у меня свой кабинет, две секретарши, три телефона: местный, городской и прямой.

А «лапу» все называли уже вполне конкретно и только шёпотом. Честно говоря, я думал, что на этом моя карьера закончилась, потому что наступило время такого застоя, что заваливать было уже нечего.

Но, слава богу, объявили перестройку, и мне поручено быть проводником её идей в жизнь. Так что скоро, чувствую, снова пойду на повышение.

Серьёзное дело

Рано утром нас, заведующих отделами, срочно вызвал к себе Главный.

– Я только что оттуда! – Он многозначительно указал пальцем вверх. – Дело чрезвычайно серьёзное. Слишком много у нас стало показухи. Немедленно начинаем с ней борьбу.

Он немного помолчал, потом добавил:

– У нас на предприятии есть одна путёвка вокруг Африки за полцены. Начальник отдела, который предложит самую действенную программу борьбы с показухой, будет ею отмечен.

Вернувшись в отдел, я сразу собрал всех сотрудников и строго сказал:

– Немедленно прекращаем работу и начинаем борьбу с показухой. Какие будут предложения?

– Ну, прежде всего, надо выпустить стенгазету с карикатурами на отъявленнейших показушников и с вашей статьёй, – сказал Рыбинский.

– Хорошо, – одобрил я. – Если к завтрашнему дню сделаете, получите отгул к отпуску.

– Конечно, сделаю, – обрадовался Рыбинский. – Вопрос только в том, кто напишет вашу статью.

– Я напишу, – предложил Краснов. – Но за два отгула.

– Почему? – удивился я.

– У вас очень трудный слог.

– Ладно, – с неохотой согласился я.

– В таком случае я на тех же условиях могу в эту газету написать стихи, – сказала Люба.

– Ты же пишешь только стихи о любви, – съязвил кто-то.

– Вот и напишу о любви к борьбе с показухой!

– Товарищи! – перебил вдруг всех наш профорг Суровцев. – Это всё мелко и местечково. Вы столько времени обсуждаете какую-то одну жалкую стенгазету. В то время как борьба с показухой – дело серьёзное! И бороться с ней надо крупномасштабно. Одной стенгазетой здесь никак не обойтись. Предлагаю оформить весь коридор: поставить стенды, повесить транспаранты... Могу возглавить группу оформления. Но мне отгул не нужен.

– А что вам нужно?

– Мне нужно на лето куда-нибудь жену свою отправить.

– И мне нужно жену на лето отправить, – подхватил Семён Михайлович. – А у меня предложение не хуже. В нашем отделе есть молодые – Вика и Серёжа... Видите: они покраснели? Все мы знаем, что у них скоро свадьба. Предлагаю провести её без всякой показухи.

– Это как? – удивился я.

– Проще простого! Никакого стола. Все приходят на свадьбу в рабочих костюмах. Вместо «горько» выкрикиваем призывы к борьбе с показухой. А главное, приглашаем телевидение. Они такую свадьбу с удовольствием снимут. Им за это всем премию дадут.

– А молодые согласны? – спросил я.

– Согласны! – хором ответили молодые. – Только освободите нас за это от дежурств в дружине во время нашего медового месяца.

– Товарищи! – снова перебил всех профорг. – Свадьба – это, конечно, оригинально. Новая традиция. Мы сразу обгоним все отделы. Но согласитесь – всего на один раз. А борьба с показухой – дело настолько серьёзное, что требует фундаментального разворота во времени! Предлагаю объявить месяц по борьбе с показухой. Причём завершить его досрочно. Дней за пятнадцать. Таким образом, за месяц мы сможем провести два месячника! А поскольку мы их уже научимся проводить за этот месяц, то в следующем проведём три,

в следующем – четыре... К концу года ни у одного отдела не наберётся такого количества человеко-месячников!

Предложения сыпались со всех сторон.

Во время обеденного перерыва я написал заявление на путёвку вокруг Африки. А после обеда мы снова собрались у Главного. Все были довольны. И с заявлениями. Но особенно был доволен Главный. Он еле успевал за нами записывать. Кто-то предложил организовать поезд дружбы, кто-то – подшефную работу в колхозе, кто-то уже объявил набор в специальные добровольные отряды дружинников, которые останавливали бы на улицах людей и спрашивали, что они сделали в борьбе с показухой. И если ничего не сделали, то штрафовали. Причём штрафовать в зависимости от того, насколько они ничего не сделали. А если сделали, выдавать справку, чтобы их больше не штрафовали. Таким образом, со временем у нас не останется ни одного человека, который бы не внёс свой вклад в дело борьбы с показухой!

После обеда Главный уехал с нашими предложениями в главк. А на следующий день к нам прислали нового Главного. Мы все выстроились у парадного входа на предприятие с цветами, ковром и пальмой, с которой всё утро стряхивали пыль, привязывали к веткам опавшие листья и красили их в свежий зелёный цвет. Однако новый Главный почему-то не подъехал на машине к парадному входу, а пришёл пешком и зашёл с чёрного хода. Потом подкрался к нам сзади и так рявкнул, что сразу четверо уронили пальму себе на ноги. В общем, не знаю я, где он раньше работал. Всякое говорят. Но через пять минут мы все сидели на своих рабочих местах и работали.

Оказалось, борьба с показухой был розыгрыш главка. Там сказали: «Уволим тех, кто даже при борьбе с показухой разведёт нам показуху!» Наш Главный попался первым. После него было уволено ещё несколько главных. Но самое страшное, что наш новый Главный после работы снова собрал нас и сказал:

– То был розыгрыш, а теперь начинается настоящая борьба с настоящей показухой!

После этого собрания я вернулся к себе в отдел, заперся в своём кабинете, но уже через несколько минут понял, что я ничего не понимаю.

«Наверное, стар стал!» – решил я, порвал заявление на путёвку, достал чистый лист бумаги и стал писать заявление об уходе на пенсию.

Во имя канвы

Сразу после спектакля режиссёр собрал актёров и спросил:

– Как получается, что в нашем новом спектакле опять не прослеживается главная тема?

– Из-за Шкапенко! – раздалось тут же несколько голосов.

– Разрешите мне? – попросил старейший актёр театра. – Дело в том, что Шкапенко каждый раз уходит со сцены под аплодисменты зала. Это безобразие! Он же разрушает канву спектакля! Я, конечно, понимаю, что Шкапенко играет свою роль ярко, самобытно и интересно. Но и он должен понять, что главное – это спектакль в целом, а не его роль. Тем более что она у него эпизодическая. Я бы даже сказал, второстепенная. А если вдуматься, то вообще лишняя...

– Да сколько можно об этом говорить? – перебила его актриса с тридцатилетним стажем трагедии. – На каждом собрании мы говорим о том, что Шкапенко смещает акценты всех наших спектаклей. И что портит своей, как вы выражаетесь, яркой и самобытной игрой наши постановки. Пора, наконец, принимать меры, товарищи! Предлагаю поставить ему на вид!

– Верно! – поддержал её подающий надежды пожилой актёр. – А то что же получается? Например, детский спектакль «Ни бэ, ни мэ». Я работаю волка, Агнесса Пална – козу. И вдруг... в самый узловый момент, понимаете ли, когда я должен её съесть, все зрители смотрят на массовку, где Шкапенко танцует пятого сорняка, потому что у него, видите ли, отличная пластика. В результате никто не видит, как я её съедаю! Так же нельзя, товарищи! Агнесса Пална – уважаемый всеми человек. Сколько лет на сцене! Она эту роль ещё до войны играла. К тому же сама по себе сцена не из лёгких. Ведь чтобы зритель поверил в то, что сейчас я съем Агнессу, я сам должен сначала захотеть её съесть. А это, как вы понимаете, не так легко сделать... Всё-таки она эту роль ещё до Русско-японской войны играла.

– Товарищи, да Шкапенко над нами просто издевается! – взял слово молодой, но тоже уже порядочно талантливый актёр. – Он считает, что у нас провинциальный театр. Да, у нас провинциальный театр! Но у нас великие цели! Воспитание человека будущего, слияние города и деревни и другие не менее важные проблемы современности. Сможем ли мы справиться с этими задачами? Сможем! Но только в том случае, если не будем рвать чётко выстроенной канвы спектакля! Поэтому во имя идеи предлагаю снять Шкапенко со всех ролей и отдать их более надёжным исполнителям.

– Верно! – раздалось голоса. – Хватит канву разрушать да акценты смещать! Уволить его! Чего там... У нас средний театр, но высокие цели!

– Тихо! Тихо! – успокоил всех режиссёр. – Товарищи! Хотя я и согласен со всем, что здесь говорилось, и, мало того, сам неоднократно просил Шкапенко – во имя идеи, конечно, – играть свои роли побледнее, я бы даже сказал, чуть посрее, но всё-таки считаю, что исключение есть слишком суровая мера для начинающего актёра. По-моему, лучше пускай Шкапенко напишет «по собственному».

С тех пор прошло много лет. Теперь Шкапенко работает педагогом актёрского мастерства в театральном училище одного провинциального города. Когда молодые актёры показывают ему свои этюды, он обычно им говорит:

– Хорошо! Талантливо! Но поскромнее надо – так не принято! – На этих словах педагог с грустью задумывается о чём-то и добавляет: – Ведь главное в актёре как в жизни, так и на сцене – это скромность! Поймите это...

Недавно, когда Шкапенко провожали на пенсию, директор училища сказал:

– Товарищи! Перед нами человек, который никогда не играл Гамлета и которому никогда не рукоплескал зал, но который всю свою трудовую жизнь отдал во имя идеи!

Когда Шкапенко вышел на сцену, раздались аплодисменты. И хотя непонятно было, кому аплодируют – ему или директору, – Шкапенко всё-таки вспомнилась его любимая роль... пятого сорняка!

Домик в тайге

Ответственным за выставку молодых художников в редакции журнала назначили редактора отдела прозы.

Первым к нему вошёл молодой художник, который ещё никогда не выставлялся. Недавно он вернулся из поездки по Сибири и поэтому принёс картину, навеянную воспоминаниями о путешествии, – «Домик в тайге».

Редактор долго смотрел на картину, потом сказал:

– Хорошо! Талантливо! Чувствуется, что вы владеете кистью. Но много. Надо сокращать!!! Тайга, сопки, листочки, ягодки... Было! Всё это тысячу раз было и давно уже никого не интересует. А вот домик в тайге – это хорошо. Свежо! Его и оставим!

С этими словами редактор взял ножницы и со всех сторон обрезал полотно.

– Смотрите, как заиграл теперь ваш домик, – сказал он, – когда ничто не отвлекает нас от главной мысли. Запомните! В одном произведении должно быть не более одной мысли. Закон Якобсона. Тем более если произведение такого малого формата, как мы только что с вами установили. Но пойдём дальше.

Охотник, выходящий на крыльцо на мороз, и милое женское личико, провожающее его взглядом из окна, из тепла и уюта. Это плохо, слюняво, сопливо. А главное, опять-таки было...

Редактор взял красный карандаш с толстым, как обрубленный бульдожий хвост, грифелем и жирным крестом перечеркнул её печальное лицо.

– Вот так, – сказал он. – Не более одной мысли. Это важно. Осталось что? Правильно. Найти эту мысль. Видите ли, – обратился он к автору, – сейчас ваш домик – нечто абстрактное, висящее в воздухе. А между прочим, в стране столько ударных строек. Молодёжь повсюду охвачена энтузиазмом! Нехорошо проходить мимо такого явления.

Редактор взял кисть, и через минуту над входом в домик появился красочный плакат «Здесь будет ГЭС!».

– Вот, – обрадовался он, – другое дело. И динамика увеличилась, и передний план заиграл. И даже интрига появилась. Мол, в лесу – и вдруг ГЭС! Этим вы как бы хотите сказать, что нашей молодёжи всё под силу. И ГЭС в лесу без реки построить, и судостроительный завод в Каракумах! Учтите, вы – молодой художник, поэтому должны сразу же заявить о себе как о человеке, поднимающем серьёзные проблемы. Так, что теперь? Теперь вроде можно перейти и к герою произведения. Почему он у вас с ружьём? Охотник? Какие могут быть охотники на ударной стройке? За кем он там охотится? На кого вы намекаете? Нет уж. Сделайте его лучше рабочим, каменщиком, простым героем труда. Это же очень просто: вместо ружья – мастерок, вместо головы – каска. Да приоденьте его поприличнее. Вы видели когда-нибудь, как одеваются на ударных стройках? Съездите в командировку, посмотрите. Заодно и сами приоденетесь... Стоп! А это ещё что такое?

Редактор присмотрелся к лицу охотника-каменщика и скосил ногтем краску с его носа.

– Это не надо, – сказал он. – Это лишнее. И так всем ясно, что на этом месте у него нос. Не надо разжёвывать детали. Они лишь затягивают действие. И потом – это несовременно. Словом, давайте, крутите, вертите, дорабатывайте – должно получиться. По-моему, у вас есть способности.

От редактора молодой художник вышел с радостно бьющимся сердцем. Скоро его картина впервые появится на настоящей выставке!

«Это ничего, что всё переменили, – думал он. – Зато редактор сказал, что я способный. А значит, могу стать известным художником. И вот тогда. Вот тогда я никому уже не позволю вмешиваться в моё творчество».

Счастливый, он вернулся домой и решил тут же взяться за переделки. Развернул картину, увидел поставленный на ней крест и с грустью подумал: «Эх, вернуться бы туда навсегда! Да к выставке готовиться надо. А это сейчас важнее всего».

Петля

Осенило, сел, набросал – понравилось!
Додумал, дописал, докрутил, дожал, перечитал – не понравилось!
Убрал, урезал, ужал – читать противно! Отложил, улеглось, успокоилось, вынул, пере-
кроил, напечатал, перечитал – замечательно!
Исправил ошибки, отнёс в редакцию – не понравилось!
Вернули!!!
Обиделся, ушёл, пришёл, переделал, порезал, добавил, убрал, сузил, расширил, дожал,
дотянул, перепечатал, исправил ошибки, перечитал – отвратительно!
Отнёс в редакцию – понравилось!
Взяли!!!
Исправили ошибки, перекроили, добавили, сузили, набрали, не умещалось, обрезали
– напечатали!
Не узнал!!!
Рассердился, разгневался, раскричался – решил уйти из литературы!
Позвонили друзья, похвалили – решил вернуться в литературу!
Принесли гонорар – решил остаться в литературе!
Осенило...

Слава

Молодой, никому не известный писатель Тюнькин разделся, сложил на берегу вещи с паспортом, чтобы не остаться безымянным, и бросился в воду. С тех пор его никто не видел. Зато весть о том, как трагически погиб начинающий гений, живо облетела сначала литературные круги, потом – прилитературные...

Уже через два месяца его рассказы наперебой стали печатать во всех журналах. Когда рассказы кончились, критики нашли письма, фразы, записки, телефонные разговоры... Не оказались равнодушными к его творчеству и кино с опереттой. В компаниях интеллектуалы говорили только о гении Тюнькина. Многие рассказывали подробности его трагической жизни. Причём рассказывали так подробно, что сами со временем начинали верить в то, что были знакомы с ним.

На торжественном заседании его посмертно приняли в Союз писателей и даже хотели выдать путёвку на лето в Коктебель, но вовремя опомнились и решили ограничиться бюстом, который известный скульптор лепил по рассказам редактора.

«Молодой, подающий надежды писатель Тюнькин перевернул ещё одну страничку в истории нашей современной литературы, – читал предисловие к рассказам Тюнькина старший матрос Шпунькин, он же урождённый Тюнькин. – И мы рады, что именно наш журнал открыл этот недоюжинный талант. Именно к нам в редакцию впервые принёс свои рассказы этот неприметный на первый взгляд маленький человек с большой буквы...»

Шпунькин отложил журнал и вспомнил, как редактор впервые принял его у себя.

– Ваши рассказы хороши, – сказал он тогда, – но в них мало мяса. А современный читатель особенно любит мясо. Вот вы, например, любите мясо?

– Очень люблю! – признался Тюнькин. – Но где же его взять в наше время?

– Писатель должен уметь находить мясо везде! На то он и писатель! – заключил редактор. – Так что ищите, добавляйте и приносите!

Насколько мог, Тюнькин добавил в свои рассказы мяса и снова пришёл в редакцию.

– Вот! Это уже совсем другое дело! Правда, мясо у вас какое-то несвежее... Я бы сказал – вчерашнее, – заметил редактор, – да и скелет теперь за ним совсем не виден. Надо бы его дотянуть до уровня мяса.

Когда в следующий раз Тюнькин принёс полную гармонию мяса и скелета, тот сказал: – Конечно, это уже лучше... Но! Не о том вы пишете, товарищ Тюнькин! Попробуйте писать точно так же, но о чём-нибудь другом. В общем, крутите, вертите, дожимайте, приносите...

С тех пор редактор отсылал его много раз: убрать запашок, глубже копать, мельче плавать.

Тогда-то ему, Тюнькину, и пришла в голову шальная мысль! Теперь его имя знает весь мир!

Шпунькин перечёл в журнале свой рассказ. Эх, если бы он писал его сейчас, после того, как поработал матросом и повидал полмира! Какими бы новыми, свежими красками

заиграл он! Но открываться было нельзя. Да и не поверят. Зато теперь он знает силу своего творчества, которое признано во всем мире! А в столе лежали папки с новыми рассказами. «Ну что же, начнём всё сначала!» – решил Шпунькин и отправился в редакцию.

Как и три года назад, редактор встретил его на бегу.

– Бегу, бегу, бегу... – бросил он через плечо. – Сначала номер сдаём, потом похороны, потом торжественное... Оставляйте, ответ пришлём по почте.

За те годы, что они не виделись, редактор сильно изменился. Благодаря открытию гения Тюнькина он и сам теперь стал знаменитостью: закурил трубку, купил замшевый пиджак. После чего его сразу сделали заведующим отделом прозы имени Тюнькина!

Остальные полмира успел повидать старший матрос Шпунькин, пока ему из редакции пришёл ответ: «Уважаемый товарищ Шпунькин! К сожалению, все ваши рассказы есть неумелое подражание известному писателю Тюнькину. Однако вы уступаете ему не только в скелете, но и в мясе произведения. Вам надо ещё немало поработать над собой, над словом, понаблюдать жизнь, а также серьёзно подумать, стоит ли вам писать вообще. С приветом, редакция».

«С приветом!» – усмехнулся Шпунькин, перечёл ответ, оделся, взял с собой папку с рассказами, паспорт и привычным путём отправился на берег городского канала...

Самоучитель для желающих написать современную пьесу

Допустим, однажды осенним грустным утром вам захотелось написать пьесу на современную тему. Не отчаивайтесь и смело беритесь за дело. Сначала пойдите в магазин и купите всё необходимое: ручку, бумагу и микрокалькулятор. Вернувшись домой, сядьте за стол, бумагу положите перед собой, ручку возьмите в ту руку, которой быстрее пишете, и начинайте! Да! Микрокалькулятор поставьте справа, чуть поодаль, так, чтобы он не мешал пишущей руке. Писать придётся долго. Часа два-три...

Некоторые начинающие драматурги ошибочно полагают, что перед тем, как начать писать, надо немного подумать. Это неправильно. Думать не надо. Надо писать. Причём начинать писать пьесу советуем всегда с её названия. Запомните! Называть пьесу надо так, чтобы её сразу приняли у вас на читку в любой театр! То есть эффектно, интригующе, оптимистически и совсем хорошо, если с намёком на несчастный случай. Например, если ваша пьеса будет из жизни строителей, то хорошо назвать её, скажем, так: «Не стой под стрелой!» Некоторые захотят это название продолжить, мол: «Не вернёшься домой!» Но этого делать не следует. Это и так всем ясно. Учтите, в наше время все так научились читать между строк, что порой забывают читать даже сами строки...

Многие из вас удивятся: почему именно о строительстве? Ведь можно написать, скажем, о морях-подводниках или о пожарниках-высотниках. Не советуем. Только опытный и известный уже драматург может позволить себе писать о том, чего не знает. А в медицине, искусстве и строительстве в наше время разбираются все...

Далее... Если вы хотите, чтобы вашу пьесу не только приняли на читку, но ещё и прочли, никогда не пишите под названием старомодное слово «драма». Это давно уже считается плохим тоном. Гораздо профессиональнее и современнее будет, если жанр, в котором будете творить, вы определите сами. Например, «лирико-производственная эпопея в двух действиях с прологом, эпилогом и апофеозом». Учтите, тремя действиями вы рискуете надоесть современному зрителю. А одним – лишаете его единственного удовольствия на вашей премьере: в перерыве обсудить фотографии артистов в фойе...

Ну вот. Теперь, когда вашу пьесу вроде бы приняли на читку и даже прочли, осталось совсем немного: заставить принять её к постановке и... написать. Ну, с первым справиться легко. Для этого достаточно неназойливо, этак вроде бы даже случайно, в скобочках приписать, мол, столетию со дня первого разведения цемента водой посвящается! Помните! Даже если ваша пьеса будет очень плоха, с такой припиской её всё равно когда-нибудь поставят. Ведь рано или поздно эта годовщина наступит, и тогда все театры обязаны будут её отпраздновать своими новыми постановками.

Непосредственно с самой пьесой справиться будет гораздо труднее. Выбор героя, героини, исходного события, конфликтной ситуации... Вот тут-то вам и понадобится микрокалькулятор. Сразу дайте ему про себя имя «Муза-1». «1» – потому что это ваше первое произведение, а «Муза» – вот почему...

Если вы возьмёте даже самый маленький театр в вашем городе и количество мест в ряду умножите на число рядов в зале, потом полученную цифру ещё раз умножите на среднюю стоимость билета, а от этого произведения возьмёте пять процентов, то получите те авторские, которые пойдут вам с каждого спектакля помимо гонорара. Не сомневайтесь, эта цифра вас так вдохновит, что дальше всё пойдёт как по писаному...

Она – молодой специалист, значкист ГТО, поёт в хоре, учит английский, читает Шекспира в подлиннике. Он – прораб. Любит портвейн, разбавляет цемент водой и экономит на плитусах. Она замечает его махинации. Он замечает, что она замечает, и приглашает

её в ресторан, чтобы задобрить, но влюбляется. О чём свидетельствует продолжительная пауза во время обоюдных оскорблений. Особое место должна занимать сцена «Муки прораба после ресторана». Внутренний монолог, во время которого зритель узнаёт, что прораб ещё не до конца испорчен, а сам прораб после него исправляется, перестаёт разбавлять цемент водой и признаётся героине, что собирается записаться в библиотеку. Ещё одна пауза, во время которой и она понимает, что давно уже любит его. Внезапное глубокое чувство охватывает обоих. Но в это время появляется вся бригада, работающая по новому комплексно-гарнитурному методу. Все члены её крайне возмущены. В зубах у всех окурки, в руках лопаты, за спиной носилки. С тех пор как прораб перестал разбавлять цемент водой, их бригаду лишили премий за невыполнение плана и отобрали у детей путёвки в пионерские лагеря. Обличающий монолог прораба заканчивается дракой с Семёном Бякиным – главным зачинателем бунта, любящим героиню грязной и похотливой любовью. Драка лопатами, мастерками, носилками и другими орудиями труда должна быть кульминационной сценой в спектакле, после которой Семён Бякин выплёвывает зубы, меняет фамилию и тоже записывается в библиотеку...

Дальше самое трудное – финал! Он должен быть самым ярким, самым шумным и самым эмоциональным во всей пьесе. А точнее – тем самым апофеозом, о котором вы заявили в жанре вашего произведения. Запомните! Количество аплодисментов после спектакля определяется прежде всего финалом. Чем он шумнее и радостнее, чем больше ставит оптимистических восклицательных знаков, тем большее число раз зритель будет вас вызывать на бис и кричать «браво!» – независимо от того, понравилась ли ему ваша пьеса в целом.

Придумать такой финал нелегко. Но ведь у вас есть ваша «Муза»! Ваша пьеса пойдёт по меньшей мере два раза в месяц. А в году их – двенадцать! Вот и снова вдохновение, а значит, и финал...

Драка с Семёном Бякиным проходила под висящей на стреле бадьёй с неразведённым цементом. Подъёмный кран не выдерживает напряжения и падает. Падение его подразумевается за кулисами и пускается по фонограмме. Одна только бадья падает прямо на сцену, обдав высококачественным раствором всех участвующих в этой сцене, а также сидящих на первых рядах зрителей. Это тоже немаловажно в современной эпопее. Современный зритель любит, когда с ним заигрывают со сцены! Все герои как один с криками «ура!» бросаются поднимать подъёмный кран, что символизирует общий подъём строительного дела в вашем городе. Подъём проходит под звуки Свадебного марша Мендельсона, что символизирует скорую свадьбу героев. Но больше всех старается Семён Бякин. Вернее, уже не Бякин, а Громов. И не Семён, а Николай! И это тоже символично. Именно он будет свидетелем на их комсомольской свадьбе и никогда больше не будет любить героиню грязной и похотливой любовью...

Ну вот, теперь ваша пьеса готова. Будьте уверены, что в год стопятидесятидвухлетия со дня первого разведения цемента водой её поставят не только в вашем городе, но и во всех других городах, жители которых борются за увеличение высококачественного раствора на душу населения. А следовательно, осталось лишь ещё раз обратиться к «Музе». Не сомневайтесь, что окончательное произведение или сумма (как вам будет угодно) вас вдохновит настолько, что вы добьётесь принятия вашей пьесы во всех этих городах и ни малейшего внимания не будете после этого обращать на то, что кто-нибудь из завистников назовет её бездарной!

Картина века

Молодому художнику дали задание от наркомата нарисовать картину «Ленин на Красной площади провожает полки на Гражданскую войну».

Художник очень волновался. Чтобы всё получилось достоверно, он рисовал Красную площадь, сидя на Красной площади. В результате у художника получилась картина «Ленин провожает полки на Гражданскую войну, стоя на собственном Мавзолее».

В целом комиссия одобрила картину. Хотя долго совещалась, что закрасить: Мавзолей или Ленина? Большинство голосов было принято решение закрасить Ленина, тем более что вскоре весь народ собирался праздновать день рождения Сталина. Правда, могло показаться бестактным со стороны полков – стоять спиной к Сталину в день его рождения... Художник послушно развернул полки лицом к Сталину, и картина стала называться «Сталин встречает полки, уходящие на Гражданскую войну»!

Новая комиссия указала на несовременность сюжета, поскольку уже начиналось строительство метрополитена. Художник превратил ружья в отбойные молотки, приоткрыл рот Сталину, и картина стала называться «Сталин говорит напутственную речь полкам красноармейцев, уходящим на строительство метрополитена». Картина звала за собой, тем более что на строительство метрополитена красноармейцы несли даже раненых. Особенно звал за собой на строительство метрополитена смертельно раненный красноармеец. Он лежал на носилках, а в руках у него был плакат «Смерть Врангелю!».

Картину показали Сталину.

«Нескромно с моей стороны, – заметил он, – одному провожать полки на такое ответственное мероприятие».

Художник тут же пририсовал к Сталину Кирова, который пожимал руку передовому рабочему, раненному на строительстве метрополитена.

Но тут убили Кирова. Художник оставил от Кирова только жмущую руку и приставил к ней фигуру Ворошилова. Картину в народе назвали «Под напутственную речь Сталина Ворошилов жмёт руку раненому рабочему... рукой убитого Кирова». Сталин опять посмотрел картину и строго спросил: почему его всё время рисуют на Красной площади, а, скажем, не на военном пограничном корабле?

Художник за два дня утопил полки в море. Мавзолей поставил на крейсер. Раненого рабочего заменил на сторожевую овчарку, подающую лапу Ворошилову. Картина стала называться «Сталин и Ворошилов на крейсере „Молотов“ с собакой Кагановича».

Наконец разоблачили Сталина. Художник немало потрудился над своим полотном, кое-как превратив его в эпопею «Хрущёв и Ворошилов обнимаются в честь разоблачения Сталина на кукурузно-уборочном комбайне „Молотов“». Особенно радовалась и улыбалась собака Кагановича.

Потом разоблачили и Молотова, и Ворошилова, и собаку Кагановича. Но реабилитировали Кирова. Художник срочно переименовал сторожевой комбайн, Ворошилова загримировал под сноп кукурузы, собаку поднял на задние лапы – получился комсомольский вожак!

Но в это время сняли Хрущёва.

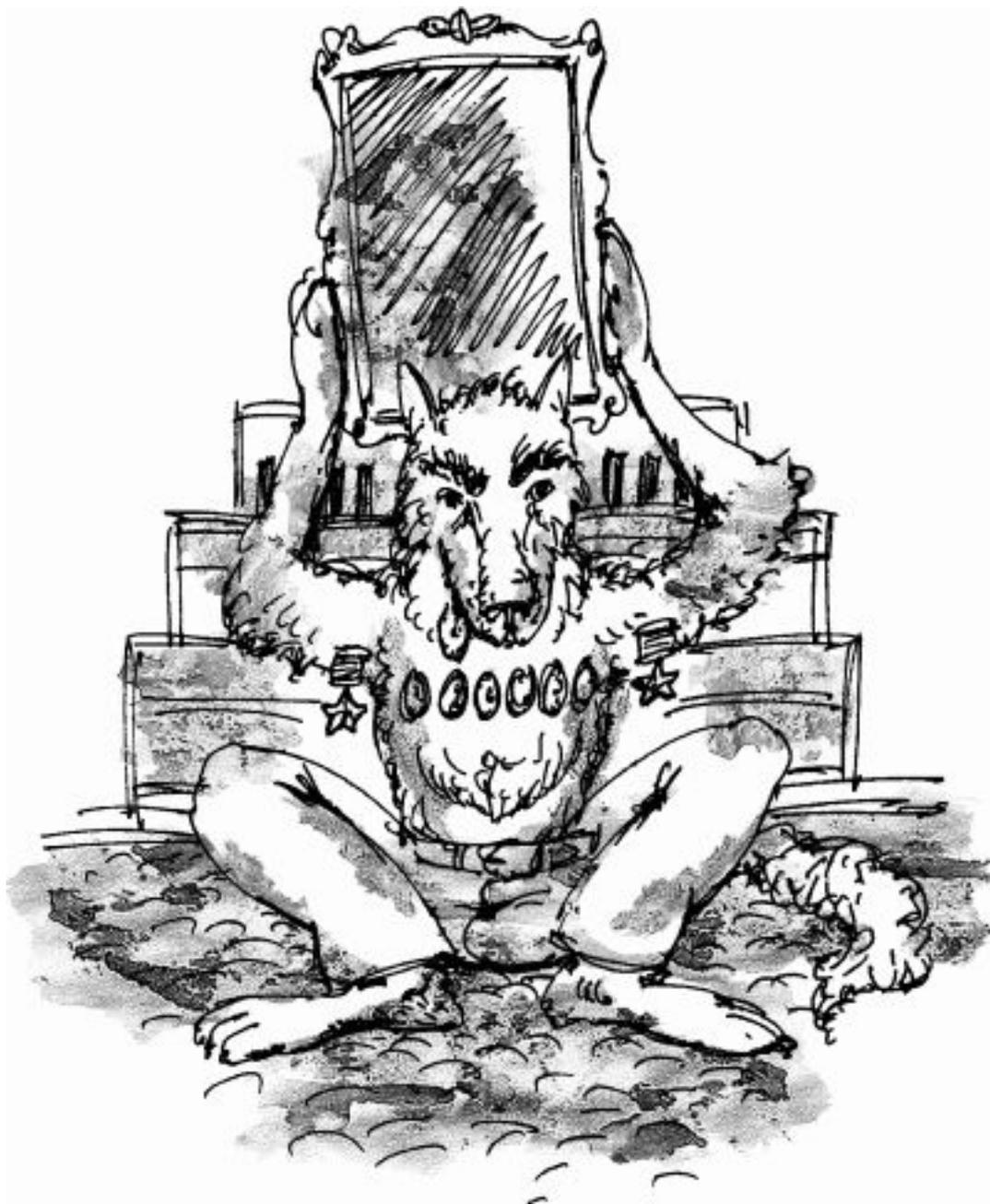
Художник почти полностью закрасил и его. Оставил лишь верхнюю часть головы... получилось солнце, встающее над целиной. Однако вскоре комиссия потребовала, чтобы к солнцу были пририсованы брови. После небольших переделок картина превратилась в эпопею «Брежнев на перроне Ярославского вокзала провожает на строительство Байкало-Амурской магистрали отряды комсомольцев-первопроходцев».

В течение нескольких лет художнику приходилось лишь удлинять левое плечо Леониду Ильичу, чтобы пририсовать очередной орден. Последний орден художник загнал генсеку

под мышку и поднял ему руки, чтобы орден был виден. А под руки подставил Сулова и Пельше. Получилась очередная эпопея «Сулов и Пельше несут Брежнева по перрону на строительство Байкало-Амурской магистрали».

Художник стал стар, когда началась перестройка. В его голове так всё перепуталось, что он со злости закрасил всю картину чёрной краской.

Критики тут же назвали её гениальной. Взяли на выставку...

Толпы людей из всех стран мира останавливались теперь перед шедевром – чёрным прямоугольником под названием «Картина века»!

Свои люди

Скажите, что с людьми происходит?! Ладно мы, официанты... Бывает, конечно, и нагубим, и не так выразимся... Но с остальными что случилось?

Мне недавно аппендицит вырезать надо было. Привезли меня в операционную, положили на столик. Врач подходит к столику и говорит:

– Этот столик заказан!

Я возмущаюсь:

– Как это – заказан?

– Так, – отвечает, – на нём вечером интуристов оперировать будем.

Я еле сдерживаюсь:

– Мне всего лишь аппендицит вырезать...

– С аппендицитом вообще можешь дома сидеть. Мы сегодня по разрядке только почки и грыжу вырезаем!

Ну, я набрался смелости:

– Хорошо, я вам как за два аппендицита обязан буду!

– Другое дело. Так бы сразу и сказали.

И что вы думаете? Он меня тут же оперировать начал. Правда, без наркоза.

Я возмущаюсь, а он поясняет:

– Что я могу сделать, если медсестра, которая наркоз даёт, на сегодня отгул взяла?

– Но мне же больно!

– Ничего, терпи! Я две недели назад в твоей забегаловке тоже без наркоза ел.

– А, так это вы были? Как вы изменились! И не узнать сразу!

– Ещё бы, – отвечает, – вторую неделю ничего в рот взять не могу!

– Верно, – говорю, – мы сытно кормим.

И, знаете, только он мне этот злосчастный аппендицит вырезал, как пять часов пробило. Он сразу инструмент в сторону.

– Всё, – говорит. – У меня рабочий день кончился.

Я чуть не заплакал:

– А зашивать кто будет?

Он уже халат снял:

– Само зарастёт.

– Это ж минутное дело.

– Это для тебя минутное. А я живу за городом. Каждый раз из-за таких, как ты, ночью домой возвращаюсь.

Ну, я опять набрался смелости, говорю:

– Свои люди – сочтёмся! Дорогу тоже к аппендициту приплюсуйте!

– Другое дело! Вообще-то мы после рабочего дня никого не зашиваем. Но раз свои люди, то ладно – зашью!

В общем, зашил он меня кое-как. А отвезти обратно в палату уже некому. Знаете, всю ночь медсестёр с тележками останавливал. Все в гараж едут. Еле-еле в собственную палату к утру за трёшку с попутным инвалидом добрался!

Правило механики

В город О. я приехал после Таллина. В Таллине жил в гостинице «Олимпия». Её строили финны, по собственному проекту. Несмотря на то что гостиница построена довольно давно, она всё равно в хорошем состоянии. Удивляет продуманностью архитектуры, планировки, до сих пор хорошим состоянием мебели, замков, форточек, дверей и водопроводных кранов. И обслуживание тоже на уровне мировых стандартов.

Но теперь, после Таллина, я приехал в город О., где меня поселили в гостинице, которая, по-видимому, строилась не финнами и вообще без проекта. Первое, что я испытал, когда вошёл в свой номер, было чувство унижения человеческого достоинства.

Сначала я сдержался. Подумал: раз до меня здесь жили люди, то и я проживу, ничего со мной не случится. Лёг отдохнуть, но, промучившись с неудобной кроватью и со всем остальным, о чём я скажу ниже, пошёл позвонить в Москву. Тут мне нагрубила администратор гостиницы. Я попросил её разменять деньги по пятнадцать копеек, чтобы позвонить по междугородному автомату, который висел в вестибюле. Она начала на меня кричать: мол, их кассир не обязана менять деньги, потому что телефоны-автоматы относятся не к гостиничному хозяйству, а к Министерству связи, и что если я пойду на центральный телеграф, мне обязаны будут разменять. Я опять сдержался. Разменять деньги мне помогли в киоске.

Позвонив в Москву, я стал выяснять, как в гостинице можно погладить брюки перед выступлением. С большим трудом наконец выяснил, что утюг только один, на третьем этаже, тряпочка, через которую гладят, на пятом, а единственная работающая розетка, в которую можно включить утюг, – на седьмом. Но тряпочку на другой этаж принципиально не даёт дежурная по пятому этажу, а утюг вообще не разрешается переносить из-за правил противопожарной безопасности.

На этот раз я уже не сдержался. Пошёл к директору гостиницы. Но перед этим не поленился, зашёл к себе в номер, вынул чистый лист бумаги и переписал все недостатки, которые были в номере. Как настоящий акын: «Что вижу, о том пою!»

Директор меня долго не принимал. Но я заранее запасся терпением. Наконец он вышел и довольно грубо спросил: «Вам чего?»

– Я хочу рассказать, как я въехал в шестьсот первый номер.

Директор внимательно посмотрел на меня, видимо, скрупулёзно вычисляя, может ли простой командированный прийти к нему с таким вызывающим видом. Вычисления его закончились, наверное, в мою пользу, так как он уже вежливо пригласил меня зайти к нему в кабинет.

Я сел напротив него и стал просто перечислять то, что выписал на листе бумаги.

– Прихожая в номере есть. Хорошая, просторная. Но в ней нет ни вешалки, ни крючка, ни сучка, ни задоринки. Одежду можно прилепить к стене только пластилином. Когда я сказал об этом горничной, она мне сурово ответила: «У нас раздеваются в шкафу!» Как вы понимаете, раздеваться в шкафу я не мог, тем более что шкаф у вас сделан до пояса. В него можно повесить рубашку, брюки, пиджак, но никак не пальто и не плащ.

Окна у вас заклеены в номере полностью вместе с фрамугой. Причём, судя по грязной бумаге, заклеены года три назад. Правда, несмотря на то, что они заклеены полностью, из них дует прямо в постель. Направленно. Прямо в подушку. При этом подушка с наволочкой размерами не совпадают. И сильно не совпадают. В сторону подушки. На постели матрас с тремя большими кочками. Поэтому ложиться надо по синусоиде, стелясь между ними. Одеяло вытянутое, а пододеяльник квадратный. Такого размера, что ложиться под него надо, если хочешь накрыться полностью, по диагонали, а точнее: под одеяло – по диагонали, а на матрас – по синусоиде. Но самый интересный эффект от того, что пододеяльник сырой, а

простыня атласная. Поэтому к пододеяльнику прилипаешь, а с простыни соскальзываешь. Если, конечно, за кочку не зацепишься.

Бра у кровати висит над ногами. И не освещает их только потому, что в этом бра нет ни лампочки, ни выключателя. На мою просьбу перевесить бра горничная сурово сказала: «Ишь ты, какой барин нашёлся! Лампочку мы тебе дадим, а подушку переложим на другую сторону». Но переложить подушку на другую сторону невозможно, поскольку у кровати нет задней спинки. На это горничная мне ответила: «У нас всё разворовывают командированные!» Хотя трудно представить себе командированного, уходящего из вашей гостиницы с задней частью от кровати.

Холодильник как включаешь, так сразу же выключаешь, потому что он начинает дрожать и прыгать за тобой, хлопая дверцей.

Телевизор работает семь минут, потом восемь не работает. А когда работает, его изображение настолько отдаёт синевой, что даже дети кажутся алкоголиками. А весь экран испещрён мелкими кружочками, как будто смотришь через дуршлаг.

На столе есть настольная лампа. Но её некуда включать. Если её включить в единственную розетку, которая есть в номере, шнура достаточно только для того, чтобы эта лампа стояла под кроватью. Я там работать не привык. У письменного стола нет стула, а есть пуфик, высота которого как раз достаточна для того, чтобы подбородок положить на поверхность стола.

В ванной держатель держит только одно вафельное полотенце. Если вешаешь два, он уже выпадает из стены. Зеркальце для бритья повешено на уровне чуть ниже груди, что создаёт серьёзные трудности, когда бреешься. А лампочка в той же ванной – пятнадцать ватт, значит, выбриться начисто можно только с фонариком на лбу.

И наконец, судя по звукам, мусоропровод проходит рядом с моей кроватью, а судя по запахам, и заканчивается где-то неподалёку.

Директор внимательно выслушал меня.

– Вы, кажется, писатель-сатирик?

Он, как я уже говорил, пытался вычислить, откуда меня знает. Наконец вспомнил и, пожаловавшись на то, что нет средств, что действительно много неполадок, что Москва не помогает, тут же повёл меня в другой номер. В котором всё было прекрасно: и задняя спинка у кровати, и стул, и лампа, и зеркало в ванной было сделано для бритья лица, а не груди, и пожарник пришёл – поставил пепельницу прямо на подушку, и горничная погладила брюки утюгом, а не чайником. Одним словом, и средства нашлись, и Москва помогла. Здесь был только один недостаток: на двери не было номера. Это был секретный номер для начальства. Таких номеров в гостинице было несколько.

Когда я думаю о таких людях, как этот директор, который в первую очередь заботится не о людях, а о том, как бы выслужиться перед своим руководством, я всегда вспоминаю одно простое правило механики. Несмотря на то что оно формулирует чисто физический закон, по-моему, в наше время оно звучит очень современно прежде всего в социальном смысле: «Любое ускорение начинается с разгона». Но, к сожалению, всех не разгонишь.

Обманули!

Такси не останавливались. Я так замёрз, что готов был оплатить двойной счётчик, лишь бы меня скорее отвезли домой, в тепло. И вдруг. Словно из-под земли вынырнуло свободное такси и остановилось возле меня. Я кинулся к нему, но предложить двойной счётчик не успел, потому что из машины вышел водитель, открыл мне дверцу и сказал:

– Садитесь, пожалуйста! Замёрзли, наверное?

– Что вы сказали? – не понял я и даже слегка отпрянул.

– Садитесь, говорю, скорее, – он мягко улыбнулся, – а я печку включу. Если вам этого будет мало, дам плед – ноги закутаете.

Я посмотрел на машину. Огонёк, шашечки. Вроде такси.

– Но ведь мне в Чертаново! – неуверенно сказал я.

– В Чертаново так в Чертаново! – ещё мягче улыбнулся водитель. – Куда пассажирам, туда и нам. Будьте любезны!

Насторожившись, я влез в машину.

– Если не возражаете, я проведу вас кратчайшей! – предложил водитель.

– Не надо кратчайшей. – Я решил быть начеку. – Поехали обычной.

– Не волнуйтесь, отдыхайте, – застенчиво засмеялся шеф, – всё сделаем как надо.

По ногам сладко потянуло горячим. А по транзистору, что был подвешен к зеркальцу, заиграли Шопена. Но хорошее настроение не приходило.

«Зачем он заманил меня к себе в машину и теперь везёт незнакомой дорогой? – Что есть силы я прижал портфель с сосисками к груди. – Надо было садиться на заднее. Там безопаснее. У меня всё-таки жена. Дети-близнецы. Старший уже в школу пошёл!»

Первым нарушил молчание шеф.

– Вам какой вальс Шопена больше нравится? – спросил он.

– Чего? – переспросил я, но тут же, чтобы он не заметил моего смущения, спохватился: – Мне... все! А вам?

– А мне До диез минор, – сказал шеф.

«Что же ему от меня надо? – лихорадочно начал я перебирать в уме всевозможные варианты. – Набивается на хорошие чаевые? Но почему так нагло?»

Шеф рассказывал мне о жизни Шопена на Балеарских островах. Иногда, увлекаясь собственным красноречием, он переходил на английский, но потом спохватывался и снова возвращался на литературный русский.

«Откуда он всё это знает? – подумал я. – Разве у таксиста есть время про это читать? Нет! А у кого есть? И где? Неужели?! – Страшная догадка мелькнула в голове. – В тюрьме!!! Вот где времени много! Значит – беглый! Поэтому и ведёт себя так, чтобы не заподозрили. А сам, наверно, настоящего водителя оглушил, спрятал... теперь деньги гребёт. За границу удрать хочет. Говорят, такие случаи бывают. Точно! Потому и английский выучил. Лет десять, значит, сидел. Ай-ай-ай! Во влип! Так и быть, рубль сверху дам. Лишь бы не убивал!»

– Приехали! – радостно известил вдруг шеф.

Я посмотрел в окно, потом на счётчик. Действительно, мы стояли у моего парадного, а на счётчике было на сорок копеек меньше привычного.

«Рецидивист! Убийца! Халтурщик!» – подумал я и осторожно протянул шефу трешник, мечтая как можно скорее выбраться из машины. Однако дверца... не открывалась! А на улице, как назло, мы были одни.

– А она и не откроется, – ласково сказал шеф, – пока.

– У меня больше нет! Одни сосиски! – закричал я и приготовился к обороне портфелем.

– ...пока не возьмёте сдачу! – перебил меня шеф и протянул рубль с мелочью. Потом встал, обошёл машину, открыл дверцу с моей стороны и сказал: – Будьте любезны! Вот вы и дома. Желаю вам сначала приятного аппетита, потом – спокойной ночи, затем – счастливых сновидений. Ну и, конечно, доброго утра! А если я что не так сделал, то извините великодушно. Если сможете!

В растерянности я застыл на тротуаре. Я понимал, что меня обманули. Но в чём – не понимал.

Из оцепенения меня вывел какой-то запоздалый прохожий, который подбежал к моему таксисту и бойко спросил:

– Шеф, до Медведок дотрясёшь?

– Будьте любезны! Садитесь, пожалуйста! – сказал шеф, вышел и открыл перед ним дверцу.

Человек смутился, стушевался, кинул беспомощный взгляд в мою сторону, но всё-таки влез в машину. Она тронулась, а я подумал: «Ещё один попался!» И мне стало легче.

Опасная профессия

Извините, товарищи, я тут немного дёргаться буду и порой даже чесаться. Это всё производственные травмы. Опасная профессия у меня. Я испытателем работаю. Испытываю товары народного потребления. Да, очень опасная профессия!

Видите, шишка на лбу? Это я испытывал первую отечественную дверь на фотоэлементах. Нет. Сотрясения мозга нет. В наш отряд испытателей только таких набирают, у которых сотрясения чего-чего, а мозга быть не может.

Недавно, например, новую советскую люстру испытывал. Мраморную. С плафонами из гранита. Много наших на этом испытании полегло!..

Почему передних зубов нет? Плавленные сырки испытывал. А голова дёргается – это я от нервного тика успокаивающее проверял. Очень эффективное оказалось! Всего две таблетки принял, сразу глаз дёргаться перестал – голова задёргалась. Глаз застыл намертво.

Вот такой я в молодости сорвиголова был... Даже лекарства отечественные и те испытывал. После испытания нашего медицинского пластыря на отрываемость – пересадку пятки перенёс. От радикулита тоже какое-то средство три месяца в спину сам себе втирал. По часовой стрелке. Теперь на пляже раздеться стыдно. Оказалось, фармацевты что-то напутали, наполнили тюбики стимулятором роста усов. Такие усы между лопатками выросли! Сзади на пляже – вылитый Будённый.

Да, чего я только за свою жизнь не испытывал. Электробритвы с ножами от сенокосилки, пельмени замедленного действия, конфеты украинские «Сало в шоколаде»... Мышеловки, которые один оборонный завод для плана выпустил. С боеголовками. А я должен был кусочек мяса зубами достать, без рук...

Даже первые отечественные баллончики с парализующим газом от хулиганов – и те я испытывал. На всю жизнь запомнил. Дело ночью было. Стою за углом, жду хулиганов с баллончиком. Идут трое... Ещё даже пристать не успели, я им прямо в глаза как прысну! Оказалось, наши опять что-то напутали и струя бьёт в обратную сторону. Но всё равно здорово помогло. Самого так парализовало, что потом совсем не больно было, когда били...

Одно жалко – опыт передать некому. Детей у меня быть не может. Зря я тогда согласился при входе в метро турникет-автомат испытать, в который фотоэлементы забыли поставить.

Вот такая нужная людям профессия! Опасная, но нужная. Потому как если бы не я, у вас самих детей не было бы!

Я только одного не пойму: вы над кем смеётесь? Я что здесь, один испытатель? Вы что, никогда сами в

Чёрном море не купались? Не ездили по автодороге, похожей на стиральную доску, в машинах с выхлопной трубой, заведённой в салон? Не ели в «Аэрофлоте» кур небритых с сырками, плавленными в тринадцатом году в мартеновской печи?

Так что вы тоже испытатели! Мы народ такой – испытателей! Недаром нам всё время говорят одну и ту же фразу: «Тяжёлые испытания выпали на долю нашего народа».

Несладкая жизнь

Начальнику ЖЭКа № 8 тов. Самохину В. С.
от сантехника Прибылова А. П.

Заявление

Очень прошу Вас начать серьёзную борьбу со взяточничеством, которое так процветает среди жильцов обслуживаемого мною дома № 4. Как известно, вверенный мне дом заселён рабочими и служащими городской кондитерской фабрики. В результате моя жена в настоящее время тяжело больна диабетом, у младшего сына выпали все молочные зубы, а старшая дочь, которая недавно поступила в институт, всё время просит солёненького. И на мои замечания учиться воздерживаться каждый раз с раздражением отвечает: «Это не твоего, папа, ума дело!» Что также свидетельствует о повышенном сахаре в её крови.

Мои родственники, которые приехали к нам в отпуск отдохнуть и похудеть, поправились настолько, что никак не могут уехать. Тёща, которая, грубо говоря, является матерью моей жены и любит сладкое, теперь не вылезает из нашей квартиры, что делает обстановку в семье окончательно невыносимой.

И наконец, от нас отвернулись все наши друзья. И даже Лёша с Гошей – оба тоже порядочные сантехники. Так как три раза я пришёл к ним на свидание с клюквой в сахаре, а четыре – с бананом в шоколаде!

Товарищ начальник! Поведение жильцов вверенного мне дома считаю унижающим достоинство сантехника. За каждую смену прокладок в смесителе я получаю в среднем шоколадный набор «Ассорти», за смену раковины – коробку мармелада, а за починку сливного бачка – шоколадку «Вдохновение»

Пора прекратить это безобразие! Я обращаюсь к вам за помощью, потому что все индивидуальные методы борьбы с жильцами дома № 4 мною уже исчерпаны. Не помогло ни одновременное отключение холодной и горячей воды сроком на несколько дней, ни снятие унитазов у особо злостных давателей на неделю, ни подача кипятка в отопление летом. Как видно из вышесказанного, человеческого языка они не понимают. Поэтому прошу Вас принять решительные меры и обратиться в администрацию городской кондитерской фабрики с просьбой усилить охрану на проходных. Пора покончить раз и навсегда с мошенничеством и взяточничеством! Если же покончить с ними не удастся, то убедительно прошу Вас перевести меня на ту же должность сантехника в дом № 6, который, как известно, заселён рабочими и служащими ликёро-водочного завода. А Лёшу с Гошей перевести на моё место, так как они ещё больше моего нуждаются в поправлении своего здоровья!

С уважением,
Прибылов А. П., известный Вам больше по кличке Банан в шоколаде.

А вы попробуйте быть вежливым

Я администратором в универмаге работаю.

Нас все винят за то, что мы недостаточно вежливы. А вы попробуйте быть вежливым, когда какая-нибудь гражданка уже полчаса вертит кофточку, мнёт её, нюхает...

– А как она будет носиться? А это стопроцентная шерсть?

– Стопроцентная!

– А почему тогда на бирке написано «100 процентов синтетики»?

– Это чтоб моль отпугивать!!!

Ох, одна меня этими вопросами довела! Наконец спрашивает:

– Скажите честно: что мне больше всего к лицу?

Ну, я ей честно и сказал:

– То, что вам больше всего к лицу, в нашем магазине не продаётся.

Она спрашивает:

– Фата, что ли?

Я говорю:

– Нет, паранджа!

Так она на меня жалобу накатала! Вообще нашу книгу жалоб без слёз невозможно читать. Одна пишет: «Он мне нагрубил». А нечего глупые вопросы задавать!

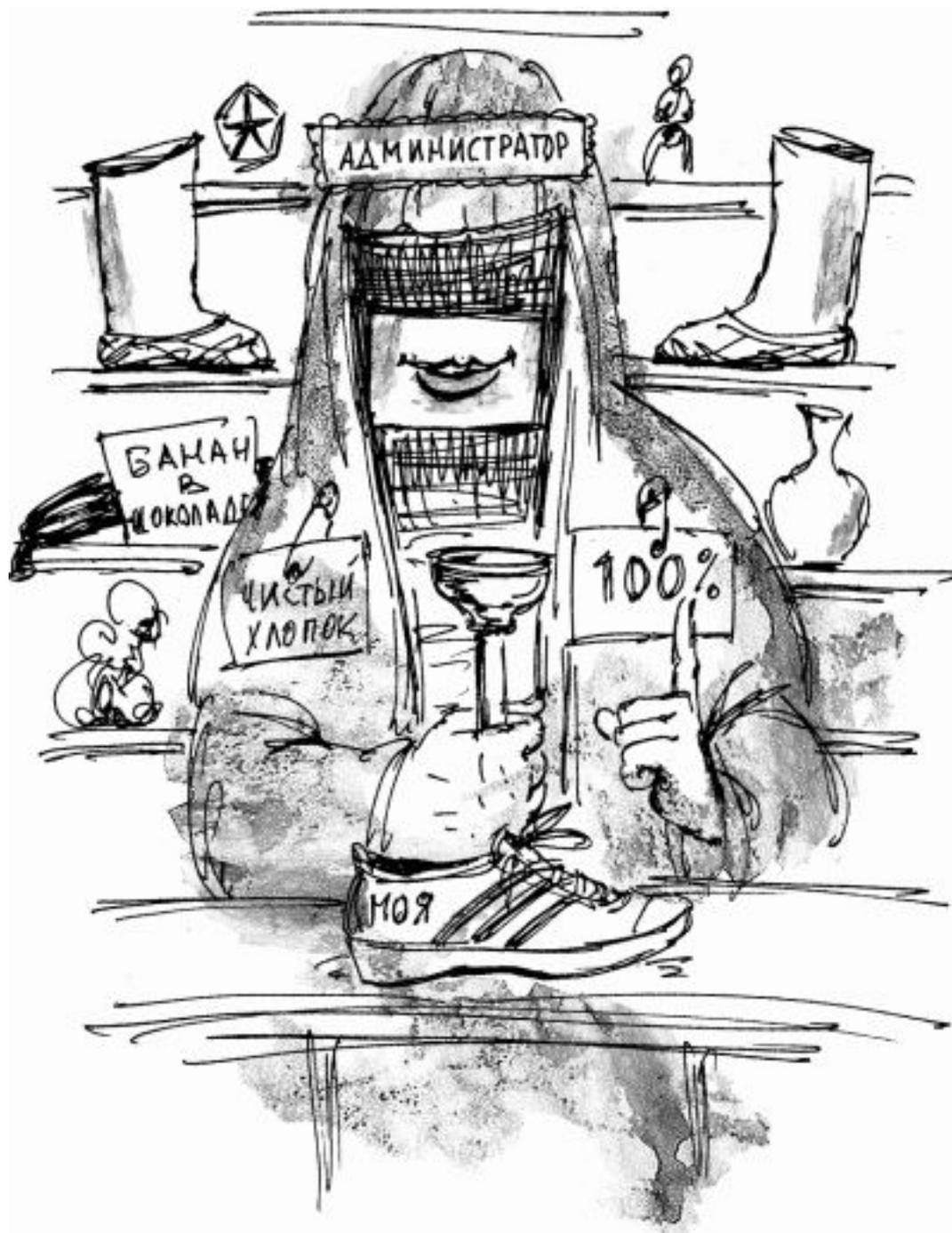
– Почему эти трусы называются семейными?

– Потому что в них сразу всей семье ходить можно!

И вот так целыми днями:

– Скажите, этот мех натуральный?

– Натуральный! Но из искусственной кошки!

– А оренбургские носовые платки у вас есть?

– А этот пододеяльник можно примерить? У меня муж нестандартный.

– А туфли фабрики «Скороход» носить можно?

Зачем глупые вопросы задавать? Если бы их можно было носить – лежали бы они у нас на прилавке египетскими пирамидами? Говорят, египетские пирамиды – седьмое чудо света. А наша обувь – восьмое чудо света!

Одна покупательница просто сумасшедшая оказалась. Спрашивает меня:

– У вас кроссовки «Адидас» производства ФРГ есть?

– Есть!!!

– Покажите, пожалуйста, и поближе, а то я плохо вижу.

Ну я и поставил ей свою ногу на прилавок! У меня народ эту кроссовку чуть с ногой не оторвал!

Но самые глупые вопросы приезжие задают. Один всё меня спрашивал:

– Как отличить настоящую кожу от искусственной?

Я ему говорю:

– Если следы от зубов на коже остаются, значит, не настоящая!

Он мне всё пальто после этого искусал!!!

Легко ли, по-вашему, так работать?

– Почему у рояля клавиши жёлтые?

– Потому что слон курил много.

– А это майка из чистого хлопка?

– Из чистого! Была! Пока вы руки об неё не вытерли!

– А это у вас плащи на крупных женщин?

– Нет, это чехлы для грузовиков!!!

И вот так намаешься за день, придёшь домой, вспомнишь всех этих покупателей, и жалко их становится. Они ж, бедные, мечутся с утра до вечера по магазинам, хотят купить себе что-нибудь нормальное, чтобы глаз радовало, чтобы деньги не зря потрачены были. Тогда я думаю: «Не ссориться надо, не жалобы писать, а надо такие товары выпускать, чтобы покупатели у нас не путали запонки с гайками, брюки со спальными мешками, босоножки с ластами... Словом, чтобы товары хорошими были... Хорошими! А не со Знаком качества...»

Вот тогда в магазине и будет слышаться с утра до вечера:

«Здравствуйте, заходите ещё! Вам эту шляпку завернуть или сразу надеть? А, это абажур?! Ну, всё равно вам – к лицу!!!»

Не сезон!

Ой, народу-то! Народу! И все в комиссионный! Во барахла у людей накопилось! Ну ладно... Чего шумите? Всего на сорок минут на работу опоздала! Как, как? У такси дверцы примёрзли! Вылезти не могла.

Ой, Зинулька, привет! Поди, чего на ухо скажу. У нас нового директора назначили. Злющая! Седьмой раз не замужем. Поэтому ты, золотце моё, встань пока в очередь. А я быстренько всех отсюда спроважу и у тебя всё, что ты принесла, приму. Ну прям-таки, долго... Как шарик от пинг-понга у меня все полетят. Вот увидишь!

Кто первый? Вы, гражданочка? Что у вас? О-о, нет! Польша мы временно не принимаем. Как почему? Не сезон! Лето на дворе. И не надо на меня голос повышать. Был бы купальник, приняли! Проходите! Следующий!

Что у вас, мамаша? Купальник?! Не-е, мамаша, купальники временно не берём. Как почему? Не сезон! Вы что, сами не видите – третью неделю дождь идёт! Что они в вашем купальнике – под дождём мыться будут? И не надо, не надо на меня кричать! Был бы зонт – приняли! Проходите... Следующий!

Что у тебя, отец? Зонт?! Не, даже не раскрывай – зонты вообще не берём! Не сезон! Не понял? Хорошо, объясню... Слушай внимательно. Ты его почему сдаёшь? Потому что он тебе не нужен! Так? Так! А если он тебе не нужен, почему он должен быть нужен кому-нибудь другому? Вот вам зонт нужен? Нет? А вам? А тебе, Зинка, зонт нужен? Вот видишь, отец, никому твой зонт не нужен! Даже Зинке. А значит – не сезон! Понял? Вот и молодец! Следующий!

Ба! Вы зачем мне детскую коляску привезли? Для них сейчас не сезон! Как почему? Июль на дворе! Сами, что ли, не понимаете? По гороскопу – знак Рака. А под знаком Рака одни районные врачи рождаются! Вы хотите, чтобы ваш ребёнок стал районным врачом? Нет? Нет! Вот и другие не хотят! Так что проезжайте! Следующий!

Ба! Это ещё что такое? Зачем мне рога?! Для рогов сейчас не сезон. Я вижу, что хорошие, ветвистые. Понимаю, от развода остались. Всё равно не сезон! Если мы во время отпусков у всех рога принимать станем, нам специализированный магазин открывать придётся. С фирменными филиалами. В Крыму и на Кавказе! Следующий!

Так, дедуль, это от тебя нафталином пахнет? Нет? А от кого? От макинтоша твоего? Ну давай, показывай свой макинтош...

Ой, Верунчик, привет! Поди, на ухо скажу. Ты ко мне в перерыве загляни, а то у нас гайки закрутили. Старого директора сняли! Строгий выговор ему вlepили! И куда-то в другое место перевели. Не знаю куда. Как всегда в таких случаях, куда-то с повышением!

Так, ну что, дедуль? Это и есть твой макинтош? Дедуль, только честно, скажи: ты в нём ещё в Японскую воевал? Нет? А когда? В Русско-турецкую? А шаровар у тебя, дедуль, от татаро-монгольского ига не осталось? Остались! А ты читал, золотце моё, что в нашем объявлении написано? На комиссию принимаются вещи, в которых... Ну, давай вместе произнесём... Не более сорока процентов потрёпанности! А у тебя? Нет, у тебя я и так вижу, что больше! А у макинтоша твоего? Где правый рукав? Моль съела? Надо было в полиэтиленовом пакете хранить. Хранил? Ну и что? Она его вместе с пакетом съела? Ну ты, дед, просто юный мичуринец – какую моль вырастил! Следующий!

Ну а ты, бабуля, чем порадуешь? Случайно, не набедренной повязкой? Александр Семёнович, здравствуйте! Разрешите вам кое-что на ухо сказать! Я сейчас вас принять не могу, вы ко мне всё вечером домой завезите! Здесь никаких дел теперь вести не будем. А за мужа моего вам особое спасибо. Его в загранкомандировку благодаря вам... Я, правда, надеялась, что лет на пять, но на два тоже ничего...

Ну чего, бабуль, над душой висишь? Что у тебя ещё? Джинсы?! Чьи? Твои?! А фирмы, фирмы какой? «Деникин»? Нет такой фирмы, бабуся! А ну, покажи! Эх, бабуся-бабуся! Не «Деникин» фирма называется, а «Вранглер»! Нет, не могу я это, к сожалению, золотце моё, у тебя принять! И всё остальное тоже не могу. Почему? Потому что ничего этого в нашей продаже никогда не было! Ну и что же, что все ходят? У нас все в том ходят, чего никогда в продаже не было. Следующий!

Ну вот, Зинулька, и до тебя добрались. Видишь, как быстро, умеючи-то! Ну давай, показывай, что там у тебя? Ну, отличное пальто, Зинуль, осеннее, кожаное. Купальник тоже чудный! Зонт тоже давай! Товарищи! Товарищи! Ко мне очередь не занимайте! Я до обеда занята буду. Все приходите после обеда. Всё давай, Зинуль, всё! Да что ты, у нас всё продастся! Какой не сезон? У нас три вокзала рядом. А у приезжих всегда и на всё сезон!

Монолог воспитательницы в детском саду

Дорогие мои детишечки, вот мы и пришли с вами на детскую площадку, о которой я вам так много рассказывала. Площадка создана специально для вас лучшими художниками и скульпторами нашего ЖЭКа.

Ой, посмотрите, какой сказочный теремок ждёт вас. А какие машинки, грибки, а герои ваших любимых сказок во главе со Змеем Горынычем. Иванов, перестань выковыривать Змею Горынычу глазки! На него и так страшно смотреть. Вон как культурно играют твои товарищи, ах какие молодцы! Сели все вместе в грузовичок и поехали... Куда ты их, Алёшенька, повёз? За пивом? В теремок за пивом?

Маша! Машенька, ты зачем повесила на теремке объявление «Ушла на базу, вернусь не сразу»? Пойдём лучше с тобой посмотрим, как Алёнушка грустит на камушке из-за того, что злая Баба-яга превратила её братца в козлёночка. Не в шашлык, Махарадзе, а в козлёночка.

Иванов, дорогой, сколько раз тебе говорить: отойди от Змея Горыныча. Зачем ты ему две головы из трёх отпил? А у Бабы-яги на костяной ноге написал «Адидас»?

Гоша Ватман, я знаю, что у тебя папа физик, но я не знаю, где тебе взять антима́терию. Нет её на Земле. Правильно, Махарадзе, дяде позвони. На Земле нет, в Грузии должно быть.

Новенький, новенький! Сейчас же брось камень! Я имела в виду, на землю брось, а не в камень! Я имела в виду, на землю брось, а не в меня. Что? Откуда ты такое слово услышал? А?! От папы. А кто твой папа? Ладно, хорошее слово.

Ну, а ты, маленький, что плачешь? Обижает он тебя, толкает. Ну а что ж ты ему сдачи не даёшь? С папы пример берёшь? Он у тебя тоже никому сдачи не даёт? Да, у-у-у. А кто он у тебя? Таксист... А сам-то кем быть хочешь? Директором универма-а-га-а. О-о-о! Почему не лётчиком? Это верно, маленький, лётчиком опасно. Ну, и директором универмага в наше время тоже небезопасно. Ладно, беги вон туда. Там в кустах младшая группа в ОБХСС и работников торговли играет. В наше время эта игра «казаки-разбойники» называлась.

Господи! Дети-дети! Вы зачем из теремка собачью конуру сделали? Что это – химчистка? А почему тогда Машенька из окошка на вас лает? Ах, это у приёмщицы рабочий день начался.

Новенький, новенький, ты зачем всех вокруг себя собрал? Что? В летучку-пятиминутку играете? А почему тогда всех грязью облил? Ах, ты – начальник, а они – подчинённые!

Жорик, Жорик! Ты зачем назвал Леночку корягой? А ты, Леночка, зачем назвала Жорика хмырём? Ах, это вы в родителей играете.

Иванов, дорогой, ты посмотри, на что стал похож твой Змей Горыныч без хвоста и без голов. На что? На колбасу? Ух. На какую колбасу? На сервелат? Откуда ты знаешь, что такое сервелат? Бабушка рассказывала. Ну и память у твоей бабушки!

Господи, а куда химчистка делась? Её Махарадзе купил?! Ему приёмщица понравилась? Она у него теперь огород сторожить будет.

Девочки, девочки, куда же вы? Давайте поиграем с вами в «дочки-матери». Что? Пелёнки стирать неохота. Ну тогда, может быть, все вместе, дети, сейчас сыграем в прятки? Нет, дети, не на деньги. Куда же вы, дети? Почему вы от меня разбегаетесь? Я же и куличики из песочка печь умею, и кораблики строить, и сказки рассказывать.

Ну а ты, Андрюшенька, что же ты со всеми не играешь, не умеешь? А кто твой папа? Учитель в школе. А мама? Врач районный. Ну ничего. Не плачь, Андрюшенька. Вырастешь, прокормишь как-нибудь своих родителей.

Не плачь, Федя!

Ну что тебе сказать, Федя? Побывал я в ихнем ФРГ. Честно скажу – жить там можно. Даже можно жить и не пить. Более того, можно жить и не воровать.

Не веришь? Наливай! Ух, хороша самогонка! Такой у них там нет, Федя. Пожалуй, это единственное, чего у них там нет. Ну вот, опять не веришь! Ты, Федя, скажи честно, ты представлял себе когда-нибудь коммунизм? Только в детстве? Правильно. Сейчас мы уже глупостями не занимаемся. Так вот, Федя, заходишь в ихний универмаг, а там на каждой полке – по коммунизму! Клянусь! Хоть век мне сахар по талонам получать. Ну что ты глаза выпучил? Точно тебе говорю. Хочешь туфли зелёные с жабо и подошвой в дырочку, как дуршлаг, – пожалуйста! Хочешь шорты варёные с капюшоном – будь любезен! Ну что ты, Федя, на меня, как краб, смотришь? А в продуктовый к ним вообще лучше не заходить. У них там эти сыры, как эти... как книги в библиотеке. Видал когда-нибудь книги в библиотеке? Не видал? И я не видал. Да что там сыры, Федя! Там бананы, ананасы на прилавках лежат. Представляешь? Ананасы! Не представляешь? И я впервые увидел. Ничего так, вкусный на вид. На нашу большую лимонку похож. У них, Федя, вообще такие фрукты есть, глядя на которые Мичурин бы глаза, как ты, выпучил и повесился на своей черешне.

Ну не стони, не стони, Федя! Лучше давай выпьем за воспоминания. И при этом, Федя, никаких очередей. Ну что ты опять застонал? Клянусь! Чтоб я снова со своей тещей съехался! И нигде никаких баб с кошёлками, набитыми зубной пастой до двухтысячного года. И нигде никаких баб с туалетной бумагой на шее. Её бы, Федя, ежели бы она с этим мотком на шее пошла, за хиппи приняли... Потому что там туалетная бумага... Дай на ухо скажу. Там туалетная бумага, Федя, есть для всех, а не только для членов правительства, потому что только они хорошо едят. Ну что ты задрожал весь? Ну что ты дверь закрываешь? Боишься, что подслушивают? Кому мы нужны, Федя? Давай лучше выпьем за наших баб. Они там, бедные, носятся по этим магазинам, как... как вон та твоя муха по стеклу. Ничего не понимают. В продуктовых то и дело на собачьи консервы нарываються. Потому что на них сосиски нарисованы и цена низкая. А чё нашему человеку для счастья надо? Чтобы сосиски были и цена не очень. И съедают. И говорят: «У-у, вкусно!» И точно, вкусно – я ел. Дай ещё на ухо скажу. Раньше я такие только однажды пробовал, когда деверь консервы приносил – кремлёвские. Так вот... Не убирай ухо... Их собачьи – точь-в-точь наши кремлёвские. Понял? Ну что ты опять затрясся? Допивай давай! И я тебе такое теперь расскажу, что съедь, Федя!

У них в гостиницах... сел? Так вот... У них в гостиницах наволочки совпадают размерами с подушками! Ты чего встал? Садись! Это ещё не все! У них, Федя, пододеяльники без дыр! Нога никуда не пропадает. Сиди, Федя, не дёргайся. Сейчас я тебе самое страшное скажу. У них, Федя. Даже не знаю, говорить тебе или нет? Ну ладно, ты парень крепкий... Так вот, слушай. У них, Федя, в гостиницах нет тараканов!!! Понял? Тебе что, не в то горло попало? Повторяю. В ФРГ вообще нет тараканов! В Европе, Федя, уже давно нет тараканов!!! Может, они все к нам ушли? Может, им там есть нечего? Видимо, только наша еда годится для тараканов. Одному нашему, Федя, сказали, что у них там средство от этих тара-

канов есть. Разыграли. Он пошёл в магазин. Продавщица его не понимает. Он ей на руке таракана нарисовал. Она говорит: «Я даже в зоопарке таких чудовищ не видела!»

Смешно, да? Давай наливай, а то заплачу, как смешно. И при этом в ихнем поганом ФРГ нигде нет Доски героев капиталистического труда. И нигде нет этих... взятых на себя капобязательств! Понял? Им это всё внедрить надо, чтобы они тоже развалились.

Вот видишь фотографию? Да ты не отворачивайся, не отворачивайся. Все фотографировались на фоне памятника какому-то Гёте. А я – на фоне мясной лавки. Ну скажи честно, кому этот Гёте нужен? А тут смотри: у меня за спиной сорок восемь сортов колбасы. Я хочу, чтобы люди видели, что я это видел! И я прав оказался. Был бы я с этим Гёте, никто бы даже не посмотрел на эту фотографию, даже если бы этот Гёте сам меня обнял. А эту фотографию все просят показать. И ещё спрашивают: а что это за колбаса? А это? У людей живой интерес, Федя.

Ну что ты, Федя, голову повесил? Ну не грусти, не грусти! У нас тоже когда-нибудь всё будет. Да знаю я, баба твоя не может детям питание детское достать. Но будет, всё будет и у нас, Федя. Давай выпьем, чтобы перестройка победила. Они там, Федя, между прочим, в нашу перестройку, знаешь как верят? Как узнают, что ты «советико», целуют тебя, обнимают. Не знаю, может, им жалко нас, когда видят, как мы одеты... Может, ежели к нам в колхоз папуас приедет, мы его тоже будем к себе набедренной повязкой прижимать? Но они всё время у меня спрашивали: «Есть хочешь, Питер?» А я: «Хочу! Очень хочу!» Ну должен ведь «советико» поесть на халяву, да ещё под перестройку!

Ну давай, поднимем за перестройку нашу! Они, знаешь, из газет наших себе всякие слова даже на майки переписывают – так за нас болеют. Идёт человек, а у него на груди написано: «Засеем вовремя!» Видать, не понимает, чего надел. Знал бы, точно не надел. Эх, Федя, Федя! Ну давай, Федя, за наше будущее: весь мир сейчас смотрит на нас. И надеется, что мы когда-нибудь вовремя засеем. Они там, на Западе, когда в тебе русского узнают, объятия раскрывают, говорят: «О, русиш, гласность, демократия, Горбачёв, Раиса Максимовна!»

Ну, давай еще по одной? Ух, хорошо пошла! С надеждой!

Представляешь, Федя, у них сок на улице покупаешь – к пакетику соломинка приклеена, лезвие, чтобы уголок отрезать. Мы этого ничего не видим. Мы сразу зубами, Федя. Мы все, Федя, воспитанники Миклухи-Маклая...

Федя, ты зачем доску взял? Ударить меня хочешь? Положи на место. У них из любого телефона-автомата прямо с улицы можно позвонить в любой город мира... Положи доску, говорю! И что интересно, ежели звонишь в Техас, тебя соединяют с Техасом! А не с Кзыл-Ордой! Ты зачем меня, Федя, доской по голове ударил? Ну вот, получай за это стулом обратно! А теперь я тебе руки, извини, свяжу, кляп в рот засуну. И за то, что ты меня доской по голове ударил, рассказом об ихнем загнивающем ФРГ пытать буду!

У них, Федя, стоянка такси – это стоянка такси, а не стоянка людей. У нас ведь надо правильно писать: «Стоянка людей. Для такси». Терпи, Федя.

У них, ежели в гости на своей машине приехал, не надо щётки снимать, в гости нести. Аккумулятор на себе переть.

Терпи, Федя, терпи.

К ним в машину садишься, какой-то компьютер на твоём родном языке говорит: «Пристегните ремни». Ты ему говоришь: «Пошёл вон!» Он тебе отвечает: «До встречи на кладбище, мистер!» Ну что у тебя слеза потекла? Погоди, сейчас развяжу. Представляешь, я в гостинице два дня пробку из раковины вынуть не мог... Я её и так, и этак – не вынимается. А у неё, оказывается, пульт управления есть справа. Ну скажи, Федя, как советскому человеку на ум прийти может, что у пробки в раковине есть пульт управления? Не плачь, Федя, не плачь. Я её всё-таки на третий день ножом выковырял. А эти два дня мы в ихнем биде умывались. Знаешь, что такое биде? О! Этого и я раньше не знал. Это они специальное устрой-

ство установили для умывания голов советских туристов, которые не умеют пробку поднять. Вишь, какая забота о человеке.

Ну вот, Федя, я тебе весёлую историю рассказал, а у тебя слёзы на глазах. Ну не надо, не надо, Федя! Достанем мы тебе детское питание. Давай развяжу, выпьем. Мне все говорят, что я ихнее общество приукрашиваю. Что на самом деле оно – загнивающее. Может, конечно, оно и загнивающее. Но знаешь, хочется уже немного и погнить, Федя! Надоело процветать, правда? Ну, давай на посошок! И пойдём в наш сельмаг, разнесём его вдребезги, ежели Клавка твоей Валюхе детское питание не выдаст. Бери доску, а я стул... Пошли, Федя!

Благодарность

Уважаемый товарищ Генеральный секретарь!

Пишут Вам благодарные жители города, в котором Вы побывали с деловым визитом. Правда, Вы только за три дня сообщили нашим городским властям о своём приезде, но даже за эти три дня они успели сделать для нашего города больше, чем за все годы Советской власти.

Во-первых, были покрашены все дома со стороны улиц, по которым предполагался Ваш проезд. Но потом кто-то сказал, что Вы любите отклоняться от намеченного маршрута. И наши власти были вынуждены покрасить и остальные дома. Причём так старались, что некоторые дома закрасили вместе с окнами.

Во-вторых, все улицы к Вашему приезду были освещены, заасфальтированы, озеленены. В ночь перед Вашим приездом в городе было вырыто 365 подземных переходов. В магазинах появились продукты, которые мы в последний раз видели лет двадцать назад, когда неподалёку от нашего города, в нейтральных водах, затонул английский рефрижератор, вёзший эти продукты голодающим Африки.

В-третьих, строителями наконец был достроен мост, о торжественной сдаче которого Вам рапортовали ещё в прошлой пятилетке, но который, когда грянул оркестр и комиссия обрезала ленточку, осел и отчалил от берега вместе с комиссией.

Наконец, дорогу из аэропорта комсомольские работники пропылесосили собственными пылесосами. А профсоюзные – подмели лес в окрестностях этой дороги, покрасили в свежий зелёный цвет листья на всех дорогах и помыли югославским шампунем все памятники в городе. Причём памятник Менделееву был отмыт настолько, что оказался памятником Ломоносову.

Более того, боясь Вашего гнева, многие руководители сдали государству свои личные дачи. В некоторых из них открылись за эти дни ясли и детские сады. Их всегда так не хватало нашему городу! А дача управляющего делами обкома была переоборудована под новое здание аэровокзала. И грядка из-под огурцов на его огороде забетонирована под взлётную полосу для Ил-86.

Встряхнулись и изменились в лучшую сторону и остальные наши руководители. Поскольку все знают, что прежде всего Вы цените в руководителе его личное мнение, наши руководители три дня заседали в горкоме, вырабатывая личное мнение каждого, после чего утверждали его на обкоме.

Все также знают, насколько хорошо Вы разбираетесь в животноводстве. Поэтому был собран консилиум научных работников по вопросу: «Сколько дойных сосков у коровы?» Оказалось, четыре, а не семь, на которые давался план раньше, с тех самых пор, как пролетариат был послан в деревню проводить коллективизацию.

Конечно, не обошлось без перегибов. Например, в ночь перед Вашим приездом зачем-то были проведены учения по гражданской обороне. Однако поскольку сигнал тревоги испортился, а все противогазы, как оказалось, работают только на выдох (на вдох их надо каждый раз снимать), то в три часа ночи после истошного крика начальника гражданской обороны города: «Внимание, ядерный взрыв! Ложись!» – все выбежали из домов и попадали на землю, от излучения тщательно прикрыв ладонями лица, а от радиации плотненько застегнувшись на все пуговицы. В результате половина населения на следующий день опоздала на работу, ожидая отбоя.

Ещё была выпущена подарочная книга о нашем городе с четырьмя фотографиями новостроек нашего города, а точнее – единственного нового дома, снятого с четырёх сторон.

А вдоль пути Вашего следования по улицам всё время перевозился один и тот же ларёк с овощами.

Наконец, прошёл слух, что во всех городах Вы любите посещать музеи и смотреть, как они содержатся. Тут же по приказу заведующего отделом культуры, который занял этот пост сразу после окончания ПТУ при кирпичном заводе, экскаватором был снесён старый ветхий домик, в котором жил Антон Павлович Чехов, а на его месте построен новый дом, в котором он жил. А в скверике перед музеем был поставлен памятник Антону Павловичу. Он сидит на скамеечке с газетой в руках и с одобрением в глазах читает Ваш доклад на последнем Пленуме.

Но мы за эти перегибы на наших руководителей не обижаемся. Мы же понимаем, как им нелегко сейчас. Вы им сказали: надо быть личностями – а инструкций и памяток, как ими стать, не дали. Сказали, что надо перестраиваться, а сроков не указали. И они, наши руководители, никак не могут понять, когда им докладывать Вам о том, что они перестроились досрочно. Более того. Вы всё время говорите, что надо идти вперёд, а где перёд, не объясняете. А сами они этого не знают. Поймите это.

У нас в городе как всегда было? Те, у кого были способности к искусству, пошли работать в искусство. У кого к науке – в науку. У кого к производству – в производство. А кто в молодости ленился и у кого никаких способностей так и не обнаружилось, пошли работать в комсомол, в профсоюз и в партийные организации. И стали руководить теми, у кого эти способности были, пока они у них тоже не исчезли благодаря их руководству.

Одним словом, спасибо Вам за Ваш визит! Наш город стал красивым, зелёным, благоустроенным! В соседние колхозы стали летать самолёты. И наконец была восстановлена телефонная связь с другими городами, которую ещё немцы обрезали при отступлении.

Конечно, после того, как Вы уехали, из наших магазинов снова исчезли все продукты. Но за то время, что Вы у нас были, мы набрали их на три года вперёд. Поэтому очень просим Вас – через три года приезжайте к нам ещё!

Уже облупится краска на наших домах, загрязнятся памятники, снова отчалит от берега мост, народятся новые дети, которым понадобятся новые ясли. Конечно, мы понимаем, что Вы очень заняты. У Вас ещё много таких городов, как наш. И все к Вам в очередь стоят. Но если сможете приехать, сообщите заранее нашим властям, что приезжаете. Тогда они снова будут вынуждены сделать что-то и для собственного народа.

Уважаемый товарищ Генеральный секретарь! Очень просим Вас: если не трудно, пускай кто-нибудь из Ваших людей перед Вашим следующим приездом пустит слух, будто Вы лично очень любите ходить по всем домам и проверять, есть ли горячая вода. Очень хочется помыться!!!

Тайный смысл

В последнее время среди нашего народа стало распространяться порочное мнение, будто мы отстали от всех стран по всем видам производства. Это не совсем правильно.

Например, мы значительно опережаем все страны по производству лозунгов и плакатов. Возьмём лозунг «Слава великому советскому народу!». Разве увидишь его ещё хоть в одной стране мира? Даже представить себе невозможно, чтобы в Париже вдоль Елисейских Полей раскинулось «Слава великому французскому народу – строителю капитализма!». Да и за что им себя хвалить? Живут спокойно, в достатке. То ли дело мы! Сами себе создали такие условия, что, выживая в них, имеем полное право сами себе писать «Слава!». Более того. Давно пора было пойти дальше и каждому у себя в квартире прямо в прихожей вывесить плакат «Слава мне! Любимому!». Прочитал такой плакат с утра, и можно уже весь день – да что там день – всю жизнь можно не работать. Выпивать под этим лозунгом и гордиться собой. Потому что и так уже «Слава!», зачем ещё и работать?

А лозунг «Жить и работать с ускорением!»? Разве встретишь его, допустим, в Германии? Нет. Не доросли там до его понимания. И если хоть как-то можно им объяснить, что означает «работать с ускорением», то слова «жить с ускорением» наверняка будут восприняты ими превратно, скажем, как призыв к увеличению численности населения.

Говорят, у восточных иероглифов есть тайный смысл, понятный только на Востоке. Наши лозунги тоже понятны только нашим людям. Это наши иероглифы.

«Товарищи! Отработаем коммунистический субботник все, как один». Ни одному иностранцу не объяснишь тайный смысл этого иероглифа. Во-первых, потому, что только у нас люди, собравшись все вместе, могут принести такую же пользу, как один. А во-вторых, очень долго придётся объяснять, что такое субботник. Мол, субботники – это семидесятилетняя традиция борьбы с разрухой. И если в 1918 году борьба с разрухой проводилась на станции Москва-Сортировочная, то теперь проводится уже по всей стране.

Тайный смысл, доступный только нашему человеку, есть и у других наших лозунгов.

«Ткачи! Сэкономим в этом году 40 тысяч тонн хлопка!» Не наш человек, прочитав это, удивился бы. И логично рассудил: «Если ваши ткачи сэкономят 40 тысяч тонн хлопка, то, извините за выражение, в каких трусах будут ходить ваши люди?» Потому что не наш человек не видел наших трусов. А видел бы – предложил ещё больше экономить.

Конечно, если постараться, то кое-какие лозунги можно расшифровать. Например, «В труде, как в бою!». Надо просто объяснить не нашему человеку, что у нас каждый воюет со своим начальством, поэтому на работу идёт, как на фронт, и чувствует себя на своём рабочем месте, как в окопе!

Правда, есть лозунги, тайный смысл которых объяснить чрезвычайно трудно. Допустим, «Пусть процветает наша Родина!». Этот иероглиф непереводим ни на один язык мира. Поскольку во всех странах люди и так согласны с тем, чтобы их Родина процветала. Их не надо на это уговаривать.

Зато в последнее время у нас появились такие плакаты, которые не надо ни переводить, ни объяснять. И так всё понятно, поскольку они точно отражают действительность. Например, «Советский народ – вечный строитель коммунизма!».

Беспорных успехов мы достигли и в отраслевых плакатах, таких как «Больше удобрений нашего завода – богаче стол советского народа!». Очень верно подмечено. Ведь если так пойдут дела в сельском хозяйстве и далее, то мы уже в недалёком будущем будем снимать с наших полей осенью только то, что положим на них весной.

Не менее точен лозунг «Принимай, Родина, серную кислоту!». В связи с антиалкогольным законом наш человек готов принять что угодно.

Приятно, что за долгие годы авторы наших лозунгов научились выбирать достойные места для своих произведений. Славно смотрится, к примеру, напротив любого гастронома «Трезвость – норма жизни!». Особенно если на двери гастронома висит объявление «Норма – две бутылки на человека!».

В любом городе над инвалидными заборами и избами ободряюще выглядит «Народ и партия едины!».

В тундре хорошо пустить вдоль горизонта «Своим трудом Отчизну возвеличив, народам Африки мы облегчаем путь!».

Напротив тюрьмы лучше всего повесить «Верной дорогой идёте, товарищи!».

В танковой дивизии конечно же «Ответим ударной стрельбой на решения съезда!».

А лозунг «Сохраним окружающую среду!» можно вешать в любой точке страны «от Москвы до самых до окраин». Потому что хоть и «широка страна моя родная», но окружающая среда в ней такова, что никто из нас «другой такой страны не знает, где так... дышит человек».

Правда, если быть по-современному честным, то, надо сознаться, встречаются ещё некоторые недостатки кое в каких наших областях, даже в этой области производства.

К примеру, лозунг «Октябрьская революция – главное событие века!» не закончен. Надо хотя бы в скобочках ещё приписать: «Остальное – ерунда!» Чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что победа в Великой Отечественной войне, завоевания в космосе – события так себе.

Недоработан и лозунг «Решения XXVII съезда – в жизнь». Вскоре к истрепавшемуся плакату придётся добавить свежую палочку, чтобы получилось: XXVIII. Нехорошо. Надо сразу писать: «Решения последнего съезда – в жизнь!» Кстати, такой лозунг уже можно будет изваять в мраморе!

И уж конечно, надо бы продолжить главный шедевр плакатного искусства «КПСС – верный помощник партии!»... Вариантов для продолжения масса: «ВЛКСМ – ближайший соратник комсомола», «ВЦСПС – закадычный друг профсоюзов!».

Впрочем, все эти недостатки – мелочи. А в целом по производству плакатов мы можем с гордостью сказать, что обогнали все страны мира навсегда!

Народ умельцев

Многие сетуют на то, что наши товары ни на что не годятся. Это не совсем верно.

Например, мы выпускаем лучшие в мире деревянные перьевые ручки! Лучшие в мире, потому что никто в мире их больше не выпускает. Правда, у нас ими тоже никто не пишет. Но всё равно люди их покупают. Оказывается, эти ручки очень хорошо использовать как пробки для стенных дырок. В них шурупы мягко входят. Так что наши товары тоже кое на что годятся. Только надо точно знать: какие и на что.

Например, подсвечник подарочный годится для самообороны. Одеколон «Гвоздика» отбивает у комаров охоту жить.

У них там за границей гораздо всё примитивнее. Написано на ценнике «пылесос» – значит, это пылесос и есть. Лопата – это лопата. Средство от головной боли помогает только от головной боли. У нас же: принял таблетку от головной боли – началась чесотка. Стал втирать каждый день в голову жидкость для волос – развились мускулы, волосы стёрлись.

Кстати, поэтому у них за границей и нет такого полёта мысли! Там никогда не увидишь американца, заклеивающего окна медицинским пластырем. Немца – под «мерседесом», из которого искра ушла навсегда. Итальянку, которая поверх лака для ногтей наносит еще слой клея «БФ-6», чтобы этот лак не сразу облупился. Ни одна французенка не додумается отложить порванные колготки, чтобы потом надеть их под брюки на субботник!

А какой Карден или Диор догадается, что можно разрезать пополам женский лифчик и сделать из него модные накладные плечи?!

Ни одна нация в мире такой сообразительностью не обладает. Попробуйте нашему командированному не дать в гостинице уют. Он положит брюки под матрац и будет всю ночь спать не шевелясь

Именно это сочетание приобретённой находчивости с врождённой неприхотливостью делает наш народ практически неуязвимым в любой ситуации. Прокладки для окон промышленности не выпускает – не беда! Поролоновые матрацы раскупили, разрежали и проложили. Пуха для подушек не достать – тоже не страшно: ветоши полно, стеклотары. Наконец, дублёнки – дефицит? Пограничные тулупы научились оторачивать мехом. «Антимоль» не достать – догадались класть в шкаф свежие газеты. Моль исчезает! Не знаю, в чём дело. Видимо, со смеху дохнет, когда читает, что в них написано.

Между прочим, на Западе кое-кто уже понял, насколько они отстали от нас в смекалке. Первыми сообразили международные террористы, закупив у нас партию наших цветных телевизоров. Они своим врагам их дарят. Телевизоры взрываются и разносят вдребезги всё, что надо...

Американцы умоляют продать для магазина «Розыгрыш» наши надувные матрацы, которые, как только на них за буёк заплываешь, сразу сдуваются.

А племя таратайцев с тихоокеанских островов закупает уже вторую партию мужских трусов в цветочек: для ритуальных танцев... и отпугивания по ночам злых духов. Оказалось, когда духи их видят – уходят в горы навсегда. Им очень страшно видеть трусы, которые могут вытираться на коленках.

Так что это кощунство – заявлять, будто наши товары ни на что не годятся. Мало того что они уже начали экспортироваться, они ещё делают наш народ смекалистым, как ни один другой народ в мире!

У нас любой ребёнок понимает, что значит «поставить жучок»

Вся страна знает, что орехи лучше всего колоть дверью.

Наконец, любая женщина, если испортится фен, сможет высушить голову в духовке газовой плиты. Французенка, к примеру, в этой духовке задохнётся. А наша женщина под-

румянится – и в гости. Румяная, с халой на голове, живая и счастливая, как и все мы, – несмотря ни на что!

Глава вторая

Как молоды мы были...

...А такими мы были дома. Влюблялись, женились, разводились, ездили в отпуск, ходили в театр, стояли в очередях, отмечали праздники, воспитывали детей... Как и положено, жили по три поколения в одной квартире, только, к сожалению, очень маленькой, и редко когда разъезжались. Пытались вырваться из этого замкнутого круга, иногда останавливаясь и не понимая – зачем?..

Предложение

Витьку я знал, когда мы были мальчишками. Потом мы долго не виделись. Я встретил его уже в студенческие годы. Он торопился на свидание. Я тоже. Я сказал ему, что собираюсь жениться. Он спросил, давно ли мы знакомы с ней. Я ответил: месяц. Витька покачал головой и сказал:

– Это необдуманно. Женитьба – шаг серьёзный. Прежде чем жениться, надо как следует узнать друг друга. Иначе нарваться можно! Женишься – окажутся разные интересы, вкусы. Разводиться придётся – травма на всю жизнь. Вот мы с Любой уже полгода встречаемся и хотя любим друг друга, но я всё равно пока ещё вкусы её проверяю: в кино ходим, в театр, разговариваем о прочитанных книгах.

Мы расстались и не виделись года три. Однажды, когда жена заболела, я пошёл в магазин и там в очереди встретил Витьку. Он почти не изменился. Только чуть-чуть пополнели щёки и начали намечаться контуры живота, как обычно бывает у стройных молодых людей в первые годы после свадьбы. Мы разговорились: кто, кем, сколько? Я спросил его: женился ли он на той девушке, которую любил будучи студентом? Он сказал, что нет, не женился. Я сказал:

– Жаль, что вы расстались. Ты так любил её.

– А кто тебе сказал, что мы расстались? – удивился Витька.

– А что, до сих пор вкусы её проверяешь? – в свою очередь удивился я.

– Нет. Вкусы у нас сошлись. Это я уже выяснил. Но, понимаешь, – начал объяснять Витька, – женитьба – это всё-таки шаг серьёзный! Когда люди начинают жить вместе, они совсем по-другому ведут себя. Совместная жизнь – это не кино и не театр. Нарваться можно! А вдруг она готовить не умеет, квартиру неаккуратно убирает или по телефону сплетничает. А я этого терпеть не могу. В общем, мы решили испытать наши чувства самым страшным – бытом. Она два года назад ко мне переехала. И ты знаешь, ничего! Мы до сих пор любим друг друга. Поэтому, если и дальше так пойдёт, непременно на ней женюсь!

После этой встречи мы не виделись лет десять. На этот раз я встретил Витьку в городском парке в песочнице, куда привёл своего трёхлетнего сынишку. Витька с двумя хорошенькими, как амурчики, одетыми в импортные комбинезончики близнецами играл в кораблики. Он очень изменился за эти десять лет. С трудом поворачивался в песочнице, а от его головы густо пахло кармазином.

– Твои? – спросил я про близнецов.

– Обижает! – сказал Витька.

– Поздравляю! – сказал я.

– С чем? – не понял он.

– Ну как с чем? Наконец-то женился.

– Кто тебе сказал? – возмутился Витька. – Ничего я не женился!

– А как же... – Я не договорил.

– Понимаешь... – Витька вылез из песочницы, отряхнул костюм от песка, после чего разогнулся, перевёл дыхание и начал объяснять. – Женильба – это дело очень серьёзное! И хотя в быту мы подходим друг другу, но ведь женишься – дети пойдут. А вдруг она не умеет их воспитывать, за ними ухаживать? Знаешь, как нарваться можно! Жена – это прежде всего мать! Вот я и решил проверить: какой она матерью будет? Двойняшки получились! И ты знаешь, ничего! Справляемся! Собираюсь жениться.

Судьба сложилась так, что мы не виделись с Витькой ещё двадцать лет. Мы даже не сразу узнали друг друга, несмотря на то что долго сидели в сквере на одной лавке. Он был с

палочкой, в соломенной шляпе и читал в «Вечёрке» «Погоду и самочувствие». Я узнал его по голосу, когда он сказал подбежавшему мальчику:

– Пойдём домой, внучок. А то баба Люба заругает.

Мы обнялись. Его внук оказался на год старше моего.

– Близнецов помнишь? Вот, от одного из них! – гордо сказал он. – Такой сорванец растёт!

– Проверяешь? – спросил я.

– Что проверяю? – не сразу догадался он, о чём я его спрашиваю.

– Ну как – что? Женитьба ведь – дело серьёзное. Нарваться можно... Когда-нибудь внуки пойдут. А вдруг жена не сможет для них быть достойной бабушкой? Тем более в наше время, когда всё хозяйство лежит на бабушках. Так что, прежде чем жениться, надо проверить, может ли твоя жена быть достойной бабушкой! Верно?

– Верно! – обрадовался Витька. – А ты умнеешь на глазах. И ты знаешь, она отличной бабушкой оказалась. На днях буду делать предложение!

Через несколько дней я встретил его на том же месте.

– Ну как, сделал предложение? – спросил я.

– Нет, ты знаешь, решил немного подождать. Видишь ли, я на днях на пенсию уйду. Хочу проверить, сможет ли она вести хозяйство на наши с ней две пенсии. Тем более мне за то, что я на пенсию уйду, от работы участок за городом дают. Как она со всем этим справится? Надо посмотреть. А то так нарваться можно! А я уже не в том возрасте, чтобы делать необдуманные предложения...

Так случилось, что мне дали участок в том же месте, что и Витьке. Подходя к его маленькому дощатому, словно игрушечному домику, я увидел, как они вдвоём дружно копаются в огороде. Витька подошёл ко мне и на ухо через забор шёпотом сказал:

– Работаем! Клубнику сажаем. Если вырастет, точно на ней женюсь.

С этих пор мы часто встречались, ходили друг к другу в гости. А однажды утром он пришёл к нам с женой грустный и сказал, что она от него ушла. Я спросил: почему? Он сказал:

– Оказывается, она меня всё это время проверяла на решительность! И я оказался нерешительным.

Витька очень сокрушался.

– Это же надо! Сорок пять лет ей понадобилось на то, чтобы выяснить, что я нерешительный. Не могла раньше понять. У нас же дети, внуки, скоро правнуки пойдут. Да и я её люблю. Столько лет вместе прожили. Почти ни разу не ссорились И вдруг на тебе! Оказывается, я ей не подхожу!

Витька долго возмущался, потом решительно сказал:

– Всё. Поехал.

– Куда? – спросил я.

– На рынок. Цветы покупать. Буду делать ей предложение. Я ей покажу – нерешительный!

Мы с женой одобрили его решение. Он очень обрадовался нашему одобрению, принял валидол и почти побежал к выходу. У самой двери вдруг обернулся и сказал:

– Одного боюсь. Если вдруг со мной что-то случится... всё-таки сердечко сдавать начало. Как она со всей нашей большой семьёй одна справится и как память обо мне хранить будет? Надо бы проверить! Как вы думаете? А то так нарваться можно!

Семейный совет

Накануне моего ухода на пенсию у нас дома состоялся семейный совет.

– Мать, ты слышала? – недовольно спросил отец. – Наш мальчик собирается уходить на пенсию!

– Ну и что? Ему скоро 60 лет... И по-моему, он уже достаточно взрослый, чтобы самому себе выбирать дорогу в жизни, – ответила мама.

– А по-моему, надо немного повременить, – вмешался в разговор дедушка, – подождать, пока он встанет на ноги, окрепнет, обретёт самостоятельность... На что он будет жить, если уйдёт на пенсию? К тому же у него того и гляди правнуки пойдут... Няньку и ту не на что взять будет!

– Я с его правнуками сидеть не буду! – из глубокого кресла отозвалась бабушка. – У меня ещё есть свои интересы...

– А по-моему, мы бы могли ему на первых порах помогать, – вступилась за меня мама, – пока он не устроится на полставки вахтёром или сторожем!

– Мой сын – вахтёр! – взмахнул руками отец. – Этого ещё не хватало! Да как я своим знакомым в глаза смотреть буду? Неужели для этого я давал ему техническое образование?

– Хорошо, я могу устроиться лифтёром, – сказал я, обидевшись. – Там как раз техническое образование требуется.

– Ещё лучше! – уже не на шутку рассердился отец. – Разве об этом мечтали мы с тобой, мать, когда хотели иметь мальчика? Или потом, когда нанимали ему репетиторов по английскому, музыке и рисованию? Наконец, с таким трудом устраивали в один из лучших вузов и распределяли как можно ближе к дому, чтобы всегда был рядом на случай, если понадобится наша помощь! И вот это – плата за всю нашу заботу! А ведь когда-то мы по утрам всей семьёй так дружно собирались вот в этой комнате, вот за этим круглым столом, завтракали, он сидел вот на этом стульчике, дул на ложку с горячей кашей, а мы все смотрели на него и мечтали, что он станет великим учёным или писателем!

– В конце концов, папа, – вспыхнул я, – не всем учёными или писателями быть! Кому-то и работать надо!

– Что он говорит, мать? Нет, вы слышали?! – уже не на шутку рассердился отец. – Кто тебе это сказал? Чьи это слова? Опять Афанасия Кирилловича? Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смел с ним дружить!

– Больше чем уверена, что это его идея, чтобы наш внучок пошёл на пенсию! – снова отозвалась из кресла бабушка. – Не с кем по утрам играть в домино.

– Не смейте трогать моих друзей! – закричал я, топнув ногой. – А не то я сейчас же уйду из дома навсегда!

– Я тебе уйду! – погрозил пальцем отец. – Вот сейчас в угол поставлю, тогда научишься с бабушкой разговаривать! Совсем распустился, молокосос! А тоже туда же! Пенсию ему, видите ли, подавайте! Ремня тебе надо, а не пенсии! Почему вчера так поздно домой вернулся? А ну, признавайся, где был?

– Где-где! На каток ходил! – всхлипнул я. – Совсем ноги без спорта слабеть начали. Пока в очереди стоял, коньки сдавать, вот и опоздал...

– Не плачь, сынок! – погладила меня по голове мама. – Просто мы за тебя все очень переживаем. Ты ведь у нас единственный. Мы всю жизнь тебя так любили, лелеяли... А шаг ты хочешь сделать серьёзный. Он большой продуманности требует. В жизни один раз на пенсию выходят... В наше время к этому шагу годами готовились! Присматривались, взвешивали. Не то что вы – нынешняя молодёжь... Раз-два, и... на пенсии!

– А я и так уже всё взвесил! – сказал я, вытирая кулаком слёзы. – У меня действительно правнук намечается... Кто о нём заботится будет? Родители его? Так ведь они сами ещё ничего не умеют! А я всё-таки английский знаю, музыке его обучить могу, рисованию. И потом, если бы я ушёл с работы, мы бы снова могли по утрам собираться и завтракать не на кухне, а в этой комнате... все вместе... как в детстве!

– А маленький? – уже более уступчиво спросил отец.

– А маленький сидел бы вот на этом стульчике, – улыбнулся я сквозь слёзы. – Мы бы все смотрели, как он дует на кашу, и дружно... мечтали о том, что со временем он станет великим учёным или писателем!!!

...На семейном совете воцарилась единогласная тишина...

Основы драматургии

Познакомилась я с ним во время сессии в библиотеке. Мы сидели за одним столом. Три дня он был так увлечён своей термодинамикой, что не обращал на меня никакого внимания. Мне тоже было не до него, потому что зачёт по теории драматургии был одним из самых важных в училище.

Завязкой наших взаимоотношений стала моя сумочка, которая после одного моего неосторожного движения упала на пол между нами и взорвалась под столом множеством женских мелочей. Он помог мне их собрать. Наши глаза встретились. Я боялась, что он передержит паузу. Ведь это так важно было – не передержать паузу. Тем более первую, событийную. Но он, очевидно, чувствовал динамику.

– Ну вот, всё в порядке, – сказал он. – Когда что-нибудь приводится в порядок – это значит, энтропия падает.

«Я так хочу сегодня вечером проводить вас домой, после того как закроется библиотека!» – прочла я в его глазах второй план и ответила согласием, сказав:

– Я ничего в этом не понимаю, я из театрального...

Наверное, я начинала постигать азы драматургии, потому что я не ошиблась. Из библиотеки мы вышли вместе.

Выгородка была чудесной! Кое-где искусный декоратор разбросал по небу мелкие звёзды. Вкусно пахнущие летней зеленью улицы уже улеглись на ночь между домами. Ступенчато ползли по ним поливальные чудовища. Водяными усами они не только умывали уставшие за день тротуары, но и заталкивали в ближайšie парадные запоздалых прохожих. Мы же прятались от этих вседостающих усов за фонарными столбами и, согласно предлагаемому обстоятельству, чувствовали себя не только мокрыми, но и счастливыми.

На следующий день он снова вызвался меня проводить. И на следующий... И на следующий. О! Я помню: это были чудесные вечера! С какой страстью, с каким пылом среди пустынных ночных улиц рассказывал он мне о своей термодинамике! Особенно понравился мне тогда его монолог о постоянном повышении энтропии и тепловой смерти Вселенной. Мы сидели с ним на скамейке, осветители дали луну, ветка сирени то и дело опускалась между нашими лицами. Он отводил её рукой, сердился... От этого монолог приобретал трагическую окраску. К финалу я заплакала. Он почувствовал кульминацию, разволновался, сломал ветку... Это чрезвычайно придало органики его последним словам. Я отметила про себя: «Верю!» И моя энтропия подскочила настолько, что, когда я вернулась домой, нам с мамой еле-еле удалось сбить её.

В этот вечер я поняла, что в нём есть зерно! И не просто зерно, а зерно человека, в котором я так нуждалась последнее время.

На следующий день он в библиотеку не пришёл. У него был экзамен. Как и полагается перед развязкой, я весь вечер грустила, ждала его звонка. Но он не позвонил. А позвонил через день радостный и спросил: можно ли ко мне заехать? Я спросила: «Зачем?» Он сказал: «Это сюрприз!» А через час уже стоял перед моей дверью с роскошным букетом пионов, не умещавшимся в увеличительном стекле дверного глазка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.